

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.
№ 19

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII
1912

Выданъ 12-го мая 1912 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 7.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,

А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Избалованный.

Веселая повѣсть въ духѣ времени.

Ал. Лугового.

Перепечатка воспрещается.

I.

Прошлымъ лѣтомъ умеръ миллионеръ-купецъ. Остались наследниками красавица-вдова, очень моложавая для своихъ сорока лѣтъ, и сынъ, нынѣшней весной окончившій университетъ. Теперь

онъ хочетъ практически изучать жизнь, чтобы быть въ ней чѣмъ-нибудь побольше денежнаго туза. Льгота перваго разряда избавляетъ его отъ воинской повинности, а богатство—отъ необходимости сдѣлаться профессиональнымъ юристомъ ради заработка.

Г. Мясоѣдовъ. Косари.

Съ дѣтства онъ хорошо воспитанъ, хорошо учился, много и съ толкомъ читалъ, привыкъ къ хорошему обществу, повидалъ заграничную жизнь. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, относится уже немного скептически ко всѣмъ житейскимъ благамъ. Онъ красивъ, и его физическія и умственные силы не только не растрочены, но еще и не дошли до предѣла своего развитія. Онъ весь въ будущемъ. Жизнь улыбается ему. Володя любитъ свою мать, Нина Михайловна души не чааетъ въ своемъ Володѣ. Отецъ его, умирая, завѣщалъ свои капиталы и большое торговое дѣло сыну и женѣ, съ нѣкоторыми временными ограниченіями правъ каждого въ отдѣльности. Душеприказчикомъ назначенъ Иванъ Ѳедоровичъ Молодцыгинъ—правая рука покойнаго по управленію всѣми его дѣлами. Молодцыгинъ—старый холостякъ, былъ въ молодости тоже богатъ, рано прожился и проторговался, отрезвился отъ опьяненія жизнью и спекуляціями, зато приобрѣлъ большую и всестороннюю опытность. Потомъ былъ биржевымъ зайцемъ на петербургской Калашниковской биржѣ и, соскучившись служить всѣмъ, сдѣлался преданнымъ слугою одного: давно поступилъ довѣреннымъ къ покойному Ильѣ Максимовичу Китаеву. Полюбилъ хозяина, сжился съ дѣломъ, успѣлъ состариться на немъ и, получая большое вознагражденіе, называетъ себя „недвижимой собственностью“ въ китаевскомъ активѣ. За нимъ Владиміръ Ильичъ и Нина Михайловна, какъ за каменной стѣной: дѣлецъ. И, гдѣ нужно, Иванъ Ѳедоровичъ умѣетъ проявить внѣшній лоскъ, гдѣ захочетъ—прикидывается мужичкомъ.

У Китаевыхъ большое лѣсное имѣніе въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Петербурга. Покойный Илья Максимовичъ года за два до своей смерти купилъ Озерное, какъ дачу для себя, плѣнившись красотой мѣстности. Кромѣ барскаго дома, въ имѣніи разбросано еще нѣсколько домовъ и флигелей. Для прежняго владѣльца они были важной статьей дохода, какъ дачи, всегда находившіяся нанимателей по довольно высокой цѣнѣ. Но Илья Максимовичъ началъ строить въ Озерномъ заводъ для изготовленія древесной писчебумажной массы, а „дачный вопросъ“ устранилъ. Онъ хотѣлъ быть на отдыхѣ въ имѣніи одинъ, да и побаивался, чтобъ дачныя знакомства не дали ему серьезныхъ внѣшнихъ поводовъ ревновать Нину Михайловну, когда внутренніе, ему одному извѣстные, у него уже появлялись. Побоялся онъ и за сына, чтобы его отъ дачнаго бездѣлья не завлекла въ свои сѣти какая-нибудь „особочка“, неподходящая къ ихъ семьѣ и къ его „высокимъ“ планамъ. Какъ купецъ, Илья Максимовичъ любилъ почитывать въ газетахъ всякую статистику; и статистика, а отчасти и собственный ярмарочный опытъ научили его опасаться прекрасныхъ встрѣчъ въ іюльскіе жаркіе дни.

Жена и сынъ отлично понимали его и втайнѣ надъ нимъ посмѣивались: они чувствовали себя сильными волей и были такъ увѣрены и въ своей неспособности поддаться увлеченію и въ своей способности поставить на своемъ, если это имъ вздумается.

Когда Молодцыгинъ чрезъ полгода послѣ смерти старика спросилъ молодого хозяина, сдавать или нѣтъ дачи, Володя вопросительно взглянулъ на мать, а самъ, весело и не колеблясь, отвѣтилъ:

— Разумѣется. Вы не хотите пустить меня нынче за границу, хотите, чтобы я былъ при дѣлахъ,—такъ позаботьтесь, чтобы намъ не сидѣть въ пустынѣ. Я люблю населенную мѣстность. Нужно только подобрать порядочныхъ, живыхъ людей.

Молодцыгинъ съ улыбкой многозначительно отвѣтилъ:

— Ну, само собой!.. Сдадимъ, кто понравится. И чтобъ барышень побольше...

Володя, впадая въ его тонъ, подтвердилъ:

— Ну, само собой!..

Нина Михайловна посмотрѣла на него внимательно. Въ ея чуть-чуть прищуренныхъ глазахъ блеснула улыбка. Ея вопросъ зазвучалъ добродушной усмѣшкой:

— А не опасно? Будете ухаживать оба.

Молодцыгинъ сдѣлалъ наивное лицо, оглядѣвъ свою тучную фигуру и тономъ робкаго сомнѣнія спросилъ:

— Вы думаете?

Володя по-купечески отвѣтилъ:

— Сдавайте, благословясь.

Нина Михайловна добавила:

— И да простить васъ на томъ свѣтѣ Илья Максимовичъ.

II.

15 іюля. Жаркій, душный день. Въ смежныхъ гостиной и кабинетѣ китаевского дома въ Озерномъ спущены жалюзи. Но на крытую террасу отворена дверь, и чрезъ нее, какъ изъ рамы, глядитъ въ полусумракъ старинной барской гостиной картина ярко освѣщеннаго солнцемъ густолиственного сада. Такимъ же свѣтлымъ пятномъ стоитъ и въ затѣненномъ кабинетѣ отворенная дверь въ спальню Володи, куда въ открытыя окна пущены на весь день солнце и воздухъ,—въ жизни Китаевыхъ гигиѣна и комфортъ играютъ существенную роль, часто другъ друга дополняютъ, а иногда и борются другъ съ другомъ. Зато роскошь здѣсь является только въ гармоніи съ гигиѣной или съ комфортомъ. И на всемъ отпечатокъ большого вкуса. Здѣсь живутъ „для себя“. Ничего ненужнаго, лишняго, показнаго,—и полная чаша всего, чего въ разное время хотѣлось, хочется или можетъ хотѣться.

Володя и Котя Пенинскій, оба въ изящныхъ лѣтнихъ костюмахъ, вышли изъ столовой въ гостиную и прошли въ кабинетъ. Они только-что кончили завтракать и, оставивъ Нину Михайловну съ гостями въ столовой, за кофе, попросили разрѣшенія пойти покурить.

Володя взялъ съ письменнаго стола ящикъ сигаръ и предложилъ пріятелю:

— Одурманься.

Котя съ шутливымъ испугомъ отмахнулся:

— Ни-ни! Некурящій родитель меня и за папиросы-то донимаетъ.

Володя разсмѣялся:

— Ну, для моихъ-то именинъ.

— Для именинъ я такъ на завтракался, что если въ заключеніе еще сигару, такъ совсѣмъ осовѣешь.

Володя поставилъ ящикъ обратно и вынулъ золотой портсигаръ:

— Ну, папиросу.

— Благодарю. Я свои. Спичку вотъ дай.

И Котя вынулъ свой портсигаръ—кожаный.

Закурили.

Володя положилъ Котѣ руку на плечо и по-гамлетовски продекламировалъ:

— Я за то тебя люблю, Гораціо: вѣренъ ты себѣ!

Котя изумился:

— А что?

— Боишься одолжаться даже въ мелочахъ.

У Коти тонъ изумленія смѣнился равнодушіемъ:

— Скажите! Диковинно, подумаешь.

Володя усмѣхнулся и отвѣтилъ съ ироніей, но дружески:

— Мнѣ—диковинно: ты чуть ли не единственный изъ моихъ университетскихъ товарищей, кто за всѣ четыре года ни разу не попросилъ у меня взаймы.

— И ты всѣмъ далъ? Тысячъ человѣкъ?

Володя поправился:

— Я говорю про тѣхъ, кто считалъ себя моими пріятелями.

— Такъ ты и выражайся точнѣе. А пріятелей выбирай съ разборомъ.

Котя подошелъ и сѣлъ къ столику съ начатой шахматной игрой:

— Что жъ, Володя, будемъ продолжать?

— Не стѣдить... Вѣдь ушли только покурить... недовго же имениннику отсутствовать, когда тамъ гости.

— Ну, вотъ—гости! Папѣ съ Ниной Михайловной, я думаю, пріятнѣе безъ насъ, а Ленка вся ушла въ книжку. Что ты ей далъ?

— Стихи. Вчера мнѣ прислали новинки на просмотръ изъ магазина.

— Чьи?

— Не знаю. Не посмотрѣлъ. Ихъ теперь какъ грибовъ послѣ дождя.

Изъ сада на террасу вошелъ Давидъ. Гладко остриженный, съ черной шелковистой бородой, съ мягкимъ выраженіемъ глазъ, красавецъ кавказскаго типа, въ бѣлой черкескѣ, по ровной походкѣ, по манерѣ держаться Давидъ глядитъ человѣкомъ хорошо воспитаннымъ. Слугу въ немъ и не узнаешь. Онъ сдѣлалъ-было шагъ къ столовой, но, услышавъ голосъ молодого барина въ кабинетѣ, повернулъ сюда, чтобъ доложить:

— Господинъ Ивановъ идутъ.

Володя скорчилъ веселую гримасу и безпомощно развелъ руками:

— Вот это гость настоящий! Чортъ его носитъ. Проси къ мамашѣ въ столовую. Мы сейчасъ.

Давидъ повернулся опять къ террасѣ и встрѣтилъ уже входившаго Иванова. Онъ принялъ изъ рукъ гостя фуражку и съ достоинствомъ указалъ ему на дверь въ столовую:

— Пожалуйста сюда.

Ивановъ одернулъ фалды кителя, поправилъ пятерней три волоска на лысинѣ, придалъ бритому морщинистому лицу выраженіе почтительной значительности или солидной почтительности и продолжалъ въ столовую, немного приковыливая правой ногой.

Давидъ проводилъ его равнодушнымъ взглядомъ, небрежно положилъ его фуражку на столъ у дверей на террасѣ и спустился опять въ садъ.

Володя тѣмъ временемъ, морщась, говорилъ Котѣ:

— Я никогда не приглашалъ эту старую интендантскую крысу, а онъ лазить и лазить къ намъ въ домъ.

Котя наставительно объяснилъ:

— Другъ мой, крысы обыкновенныя, зоологическія, лѣзутъ всюду, гдѣ пахнетъ съѣдобнымъ, а интендантскія—гдѣ пахнетъ деньгами.

— Ну, моего мѣшка этотъ уродъ не прогрызетъ. Милліоны перешли въ китаевскіе сундуки не изъ казенныхъ. Мнѣ съ нимъ дѣлать нечего. И мнѣ просто противенъ этотъ мышиный запахъ въ домѣ...

— Гони его вонъ.

— Неловко, знаешь,—все-таки я хозяинъ имѣнья, онъ мой дачникъ и, если пришелъ выразить намъ почтеніе...

Шагая по кабинету, Володя у дверей въ гостиную увидалъ тучную фигуру входившаго съ террасы Молодцыгина. Легкая небрежная усмѣшка на лицѣ Володи расплылась въ добрую широкую улыбку. И, какъ бы продолжая говорить Котѣ, онъ встрѣтилъ Молодцыгина ласковой шуткой:

— Это вотъ все Иванъ Федоровичъ виноватъ.

Молодцыгинъ шелъ въ кабинетъ, сіяя, какъ красное солнышко, и на шутку молодого хозяина отозвался радостной готовностью нести отвѣтственность за вину:

— Въ чемъ, голубушка моя, въ чо-о-мъ?

Онъ молча, но весело поздоровался съ Котей и съ неизмѣнной лаской и въ то же время съ тактомъ подчиненнаго смотрѣлъ на Володю.

А Володя, напустивъ на себя серьезность, съ легкой гримаской отвѣтилъ:

— Крысы развели.

Иванъ Федоровичъ не шутя изумился:

— Развели?... Гдѣ?

— Да вотъ сейчасъ передъ вами одна пробѣжала въ столовую.

— Можетъ ли быть?

Володя кивнулъ на Котю:

— И онъ видѣлъ.

Иванъ Федоровичъ спросилъ:

— И большая?

Котя сдѣлалъ видъ, что припоминаетъ:

— Кажется, въ полковничьемъ чинѣ?... Но вида тощаго... и прихрамываетъ.

Молодцыгинъ сразу понялъ и расхохотался:

— Ахъ, вы, шутники!

Володя сдѣлалъ малоудачный опытъ обнять Ивана Федоровича за его обширную талию и говоритъ ему уже дружески:

— Ну, и въ самомъ дѣлѣ за какимъ чортомъ, голубчикъ Иванъ Федоровичъ, отдали вы дачу Ивановымъ?

— А что жъ? Старички почтенные, одинокіе, дачка небольшая, цѣна хорошая, и деньги почти все впередъ. Да этимъ и покойный Илья Максимовичъ отдалъ бы.

— А я, нынѣ благополучно царствующій въ семь имѣній Владиміръ Ильичъ, просилъ васъ, моего милаго пѣстуна и мажордома, если ужъ отдавать дачи, такъ только милымъ, веселымъ семьямъ съ милыми и веселыми барышнями.

Володя посмогъ на Ивана Федоровича какъ-будто вызывающимъ, но дружескимъ, ласковымъ взглядомъ и, впадая въ дурашливый тонъ, продолжалъ:

— Хотя это и не въ соотвѣтствіи съ планами покойнаго родителя моего, но въ его мудромъ духовномъ завѣщаніи о семь

ничего не сказано. Сонаслѣдницей-родительницей моей желаніе мое оживить нашу лѣтнюю резиденцію прекрасными дачницами было одобрено. А вы, милый, хорошій Иванъ Федоровичъ, пользуясь вашимъ положеніемъ душеприказчика, съ перваго же года начали разводить въ Озерномъ мухоморы.

— Да голубушка моя, Володенька, или, если угодно, Владиміръ Ильичъ, батюшка, неужто вамъ мало? Двѣ барышни у генерала Россина, да сестрица вотъ Константина Антоновича — Елена Антоновна...

Молодцыгинъ взглянулъ при этомъ на Котю съ такимъ выраженіемъ, будто искалъ у него поддержки въ своемъ безусловно правомъ дѣлѣ.

Володя положилъ Молодцыгину руку на плечо и ласково оставилъ его:

— Милый—или, если хотите, голубушка моя, Иванъ Федоровичъ! Мнѣ-то довольно и одной Елены Антоновны. Но намъ всемъ вообще нежелательно присутствіе здѣсь стариковъ и старухъ... если они не состоятъ, какъ неизбежное зло, при молодежи. Поэтому-то чета Ивановыхъ..

Молодцыгинъ встрепенулся и поспѣшно прервалъ Володю:

— Эти состоятъ! Со вчерашняго дня состоятъ!..

Володя и Котя посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

Иванъ Федоровичъ, ликующій, продолжалъ:

— Пріѣхала, вчера пріѣхала.

— Кто?

— Барышня. Къ Ивановымъ.

— Ну?

— Полковница ѣздила въ Петербургъ, привезла семилѣтняго племянника и къ нему домашнюю учительницу.

Лицо Володи приняло выраженіе скуки, и онъ словно нехотя протянулъ:

— Учительницу... Ну, предоставляю ее вамъ.

Но Молодцыгинъ, съ лукавой улыбкой въ глазахъ, покачалъ головой и, въ тонъ Володи, такъ же пѣвуче, подзадорилъ:

— Напрасно. Дѣвочка славенькая.

Котя заинтересовался:

— Молоденькая?

Иванъ Федоровичъ, прежде чѣмъ отвѣтитъ, улыбаясь, выдержалъ паузу:

— Да по паспорту двадцать одинъ, а на видъ и того меньше.

Полюбопытствовалъ шутя и Володя:

— Блондинка или брюнетка?

Молодцыгинъ въ недоумѣніи шутливо-досадливо потеръ лобъ:

— Не замѣтилъ. Должно-быть, что-нибудь среднее.

— Эхъ, вы! Чтѣ жъ вы, батенька, смотрѣли!

Иванъ Федоровичъ оживился:

— Глазки... глазки смотрѣлъ. Такъ вотъ въ душу къ тебѣ и просятся...

Володя опять спросилъ:

— Голубые или черные?

Ивану Федоровичу вопросъ опять показался страннымъ. Онъ, какъ и на первый, не зналъ, чтѣ отвѣтить. Готовъ былъ виновато улыбнуться, но, взглянувъ на смѣющіяся лица Володи и Коти, онъ вдругъ какъ-то почувствовалъ преимущество своего настроенія предъ ихнимъ и спокойно, съ достоинствомъ, отвѣтилъ какъ-будто самому себѣ:

— Не разсмотрѣлъ.

Володя продолжалъ подсмѣиваться:

— Очевидно, что-нибудь совсѣмъ сѣренькое? Да? А познакомиться все-таки уже успѣли? А?

Молодцыгинъ попрежнему шутливо отвѣтилъ:

— По долгу управляющаго...

— Ну, такъ, милый Иванъ Федоровичъ, вы исполните долгъ до конца: присмотритесь поближе и, если стѣитъ того, познакомьте и насъ съ ней.

Иванъ Федоровичъ задорно-вызывающе усмѣхнулся:

— Да стѣитъ ли? Вамъ-то? Хозяину моему? Наслѣднику китаевскихъ милліоновъ?... Съ учительницей... сѣренькой...

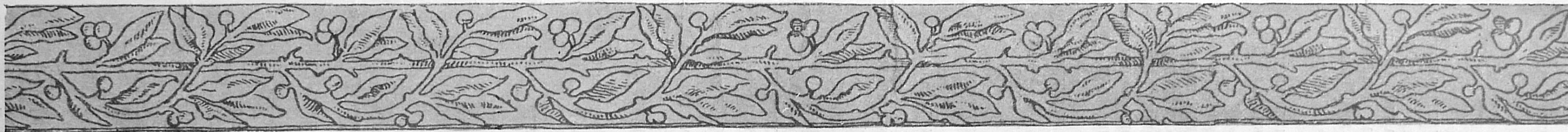
— Ну, ладно, ладно. Шутите. Тамъ разберемъ.

А Молодцыгинъ шутить-таки:

— Да мнѣ за это на томъ свѣтѣ отъ Ильи Максимовича такая нахлобучка будетъ!.. Онъ меня и въ рай съ собой не пуститъ.

Г. Мясоѣдовъ. Засуха.

Г. Мясоѣдовъ. Самосожигатели.

— Ну, я за васъ заступлюсь.

— Да вѣдь вы по молодости лѣтъ когда еще изволите туда прибыть-то. А мнѣ въ ожиданіи васъ въ огнѣ горѣть? Благодарю.

— Не бойтесь—въ лишній грѣхъ васъ не введу. Я вѣдь папенькина закала.

— Развѣ что!..

III.

Въ это время на террасѣ опять появился Давидъ. Не заходя теперь въ кабинетъ, онъ быстро прошелъ чрезъ гостиную до столовой и, на минуту остановившись въ дверяхъ, доложилъ:

— Генераль Россинъ.

А самъ генераль уже поднялся изъ сада на террасу. Съ нимъ—нѣжно-любимая „дщерь“ Муза и столь же любимая „племяншка“ Маня.

Генераль весь какъ съ иголки. Китель—не отъ портного—отъ скульптора; погоны, пуговицы—совсѣмъ новенькіе! Пухлые, розовыя щеки гладко выбриты, маленькіе сѣдые усики тщательно подстрижены, короткіе волнистые волосы—не будь они серебристыми—скрасили бы любую юную голову. Даже мѣшочки подъ глазами сегодня у генерала какъ-будто подтянулись, а живые черныя глазки смотрятъ на Божій міръ совсѣмъ по оберъ-офицерски. Праздничный видъ и у барышень. Пышная брюнетка Муза одѣта съ большой претензіей на богатство и роскошь; темно-русая, стройная Маня—проще, нѣжнѣе; и у той и у другой цвѣты: у Музы—подъ корсажемъ, у Мани—на груди.

Первымъ чрезъ двери кабинета замѣтилъ Россиныхъ Котя и, повернувшись къ Володѣ, шопотомъ пробасилъ:

— Ге-не-раль-ство!..

Володя, кончивъ курить, откликнулся многозначительно:

— А! — потушилъ въ пепельницу папиросу и вышелъ навстрѣчу гостямъ.

Котя и Молодцыгинъ за нимъ.

Генераль, увидавъ Володю, сталъ точно еще моложе и жизнерадостнѣе. Въ голосѣ зазвучала отеческая ласка:

— Дорогого именинника сердечно привѣтствую! Желаю многолѣтія и благоденствія.

Володя протянулъ генералу руку и своимъ спокойнымъ, мягкимъ голоскомъ, съ едва уловимой усмѣшкой и въ тонѣ и во взглядѣ, отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за доброе вниманіе...

А генераль уже раскрылъ объятія:

— Позвольте облобызать.

Володя поморщился,—но позволилъ.

За генераломъ и Муза и Маня, съ милыми улыбками, пожимали Володѣ руку и каждая по-своему поздравляли.

Муза рѣшительно и величественно:

— Здравствуйте, именинникъ.

Маня просто:

— Поздравляю васъ.

Володя съ обычной любезностью отвѣчалъ на рукопожатія рукопожатіемъ и съ обычнымъ же въ такихъ случаяхъ смущеніемъ отнѣкивался:

— Я хоть и именинникъ, но какъ-будто и нѣтъ. Тезоименитствъ не праздную...

Генераль, съ сознаниемъ собственной значительности поздравившись съ Молодцыгинымъ и Котей, сейчасъ же повернулся къ Володѣ съ дружественнымъ наставленіемъ:

— Напрасно не празднуете, молодой человекъ, напрасно-съ! Вольнодумство *уже* не въ модѣ-съ. Торжествовать надобно. Да.

Володя съ мягкой усмѣшкой посмотрѣлъ на Россина и любезно, но уже безъ всякаго смущенія возразилъ:

— При чемъ тутъ вольнодумство, генераль? И зачѣмъ я долженъ торжествовать, если мнѣ не хочется?

Генераль, стараясь сохранить всю свою отеческую ласковость, сразу серьезно заволновался:

— А вы должны хотѣть.

— Долженъ?

— А то какъ же!.. Вы подумайте: имя какого святого вы носите? Владимиръ. Да вѣдь этимъ словомъ все сказано. *Святая Русь*—это вѣдь онъ сдѣлалъ ее *святою*! Шутка,—святая! Укажите мнѣ другой народъ, монархъ котораго единымъ повелѣ-

ніемъ своимъ открылъ бы ему двери царства небеснаго. А? А вы: „не праздную!“

Володя улыбнулся:

— Вы глубоко правы, генераль. Но я-то тутъ при чемъ?

Россинъ уже снисходительно разсмѣялся:

— Ха-ха! — и жестомъ руки къ Молодцыгину точно пригласилъ его быть свидѣтелемъ неслыханныхъ рѣчей. — Ха-ха!.. Онъ—ни при чемъ!—И опять къ Володѣ:—Судьба дала вамъ все: русскую кровь и имя, красавицу-мать, умнаго отца, оставившаго вамъ въ наслѣдство миллионы, и вонъ какое знатное обличье...

Россинъ размахистымъ жестомъ подчеркнулъ съ головы до ногъ всю Володину красоту и продолжалъ:

— Такъ ваше положеніе обязываетъ васъ въ наше время объединять около себя все русское, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ.

Генераль опять обратился къ Молодцыгину за поддержкой.

Иванъ Федоровичъ, вначалѣ только молча поздравившись съ барышнями и предоставивъ ухаживать за ними Котѣ, потомъ уже все время смотрѣлъ генералу въ глаза съ неуловимымъ выраженіемъ—то ли сочувствія, то ли насмѣшки. Теперь, съ широкой улыбкой, онъ поддержалъ генеральскую рѣчь перечисленіемъ удобныхъ случаевъ:

— Какъ-то: двенадцатые и престольные праздники, царскіе дни... и именины.

Генераль наклономъ головы къ нему выразилъ удовольствіе, что его наконецъ поняли.

А Володя, сдѣлавъ видъ, что проникся генеральскими доводами, весело и рѣшительно заявилъ:

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! И покорнѣйше прошу пожаловать сегодня вечеромъ на чашку чаю.

Генераль одобрительно кивнулъ головой и такъ же весело и рѣшительно отвѣтилъ:

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, милый Владиміръ Ильичъ, съ особеннымъ удовольствіемъ!.. И пойдете теперь представиться вашей маменькѣ.

Онъ обнялъ Володю за талію и повелъ его къ дверямъ въ столовую, куда раньше ихъ направились-было и Муза съ Маней въ сопровожденіи Коти.

IV.

Но въ это время сама Нина Михайловна уже выходила изъ столовой имъ навстрѣчу. А съ ней и бывшіе тамъ гости: Антонъ Сергѣевичъ Пенинскій, за нимъ, съ книжкой въ рукахъ, Лена, и позади—полковникъ Ивановъ.

Нина Михайловна едва успѣла на ходу поздороваться съ барышнями, а генераль, освободивъ отъ своего объятія Володю, уже стремительно подошелъ къ хозяйкѣ:

— Очаровательная Нина Михайловна, позвольте поздравить съ дорогимъ именинникомъ.

И такъ же стремительно поцѣловалъ ея руку.

Нина Михайловна отвѣтила ему только рукопожатіемъ; и хотя очень любезно, но и очень просто звучатъ у нея обычные фразы:—

— Благодарю васъ, Андрей Матвѣевичъ. Не надо спрашивать: воздухъ Озерного, очевидно, дѣйствуетъ на васъ превосходно. Вы знакомы?—обращается она къ Пенинскому и Иванову.

Генераль съ достоинствомъ любезно протягиваетъ руку:

— Какъ же. Сосѣди.

— Встрѣчаемся на прогулкахъ,—съ достоинствомъ же говорить Пенинскій, здороваясь.

Ивановъ хриплымъ, катарральнымъ голосомъ льститъ генералу:—

— Его превосходительство неутомимый ходокъ.

Генераль снисходительно пожалъ его руку и удостоилъ пошутить:

— Службу начиналъ въ пѣхотѣ-съ! Да!.. Пошагалъ-съ въ свое время! И сапоги-самоходы—по собственному заказу. Не казенные.

Нина Михайловна, опасаясь щекотливой темы разговора, прерываетъ ихъ:

— Садитесь, господа. Прошу васъ.

Усаживаются.

Генераль всѣмъ существомъ своимъ тянется къ хозяйкѣ дома. Забывая окружающихъ, онъ только и смотритъ ей въ глаза и восторженно говоритъ:

— Здѣсь ли не ходить! Тутъ порхать надо! Благословляю

судьбу, что она натолкнула меня нанять у васъ дачу. Молодѣю съ каждымъ днемъ.

Пенинскій исподлобья, но съ улыбкой, спокойно посмотрѣлъ на него и немножко съязвилъ:

— Вамъ сколько лѣтъ?

Россинъ не смутился:

— Мнѣ было сорокъ два, когда меня произвели въ генераль-майоры. Съ тѣхъ поръ время остановилось. А вотъ если бъ я могъ, выйдя въ отставку, поселиться въ такомъ раю, какъ здѣшняя владѣнія нашей милой хозяйки, такъ рука времени, обыкновенно называемая беспощадной, оказалась бы ко мнѣ благоклонной: разгладила бы у меня всѣ морщинки, всѣ слѣды пережитыхъ военныхъ бурь.

Пенинскій опять испытующе посмотрѣлъ на него и, перебирая пальцами свою холеную, темную, съ легкой просѣдью, длинную бороду, самодовольно произнесъ:

— Завидная увѣренность.

Нина Михайловна обратилась къ генералу:

— А я вотъ только-что передъ вами говорила Антону Сергѣевичу, что *одно* лѣто здѣсь прожить можно, а ужъ на второе мнѣ было бы скучно. Людей нѣтъ.

На лицѣ генерала выразилось грустное изумленіе:

— Вы это говорили?

— А что?.. Вы обидѣлись, что я, имѣя васъ въ числѣ дачниковъ, сказала это?.. Антонъ Сергѣевичъ вотъ не обидѣлся.

Генераль улыбнулся, покосился на Пенинскаго и покачалъ головой:

— Я тоже сообразителенъ. Но я хочу сказать: какъ можетъ быть скучно тамъ, гдѣ вы? Какъ можетъ не быть людей — гдѣ вы? Стѣить кликнуть кличь...

— Ахъ, нѣтъ, Андрей Матвѣевичъ, это совсѣмъ не то. Мнѣ нужно видѣть людей, но чтобъ они ко мнѣ не подходили. Ну, какъ бы это сказать... Хочу быть одной и жить съ людьми...

Пенинскій съ неизмѣннымъ спокойствіемъ пояснилъ:

— Быть зрительницей ихъ жизни и не участвовать въ ихъ драмахъ и комедіяхъ.

Нина Михайловна на лету подхватила его слова:

— Ну, вотъ, именно!

И обратилась опять къ генералу:

— Я вотъ завидую Антону Сергѣевичу, что онъ, какъ архитекторъ, постоянно катается по всѣмъ столицамъ міра, изучаетъ тамъ свои „стили“, а вернувшись сюда...

Генералу не захотѣлось упустить удобный случай въ свою очередь съязвить насчетъ самодовольнаго архитектора, въ которомъ онъ чуюлъ опаснаго соперника, и онъ, прерывая Нину Михайловну, съ иронической улыбкой, какъ-то торопливо произнесъ:

— Ну, да, ну, да: вернувшись сюда, загромаждаетъ русскую жизнь всякими постройками въ стилѣ *moderne*. Такъ-съ?.. Охъ, ужъ эти намъ чужеземные стили!..

Но сейчасъ же, очевидно, почувствовавъ неловкость своего выпада, онъ уже съ предупредительной улыбкой посмотрѣлъ на Пенинскаго, желая любезнымъ выраженіемъ лица смягчить рѣзкость своихъ словъ.

Пенинскій не обидѣлся. Спокойно и весело, съ видомъ побѣдителя, возражаетъ:

— А вы думаете, что въ *русской* жизни осталось еще хоть что-нибудь оригинальное?

Генераль хотѣлъ-было нахмуриться, губы его сжались, щеки надулись, точно онъ готовился выстрѣлить картечью грозныхъ словъ; но взглянулъ на Нину Михайловну — и сразу другое настроеніе, — снисходительно-грустная улыбка и безнадежно-огорченный тонъ:

— Не нахожу нужнымъ даже и возражать вамъ.

Пенинскій любезно поклонился одной головой:

— Не стѣить, ваше превосходительство. Безполезно.

И сейчасъ же слова его подхватилъ Молодцыгинъ:

— Безполезно, ваше превосходительство. Я вначалѣ дня два портилъ себѣ кровь, споря съ Антономъ Сергѣевичемъ, — не переубѣдилъ. То-есть такъ онъ мнѣ всю Россію охаялъ, что я ужъ думалъ, не хочетъ ли онъ гдѣ-нибудь по сосѣдству имѣнье покупать — цѣну сбиваетъ.

Пенинскій взглянулъ съ снисходительной улыбкой на потное, раскраснѣвшееся лицо Молодцыгина и шутливо сказалъ:

— Но зато „какая дивная погода“ сегодня въ Озерномъ.

Молодцыгинъ точно только ждалъ этого:

— Удивительная! Сѣно у меня сохнетъ — на славу!

Достоинство погоды засвидѣтельствовалъ и генераль:

— Да, такой жары, кажется, за все лѣто не было. Признаюсь — тепло.

А Ивановъ, все время подергивавшійся на стулѣ и порывавшійся вставить свое слово, теперь почувствовалъ почву подъ ногами и съ значительной миной началъ:

— Это напоминаетъ мнѣ мое пребываніе подъ Ляояномъ, когда Куропаткинъ...

Но Нина Михайловна прервала начатое повѣствованіе:

— Господа, что же въ такую дивную погоду сидѣть въ комнатѣ! У насъ и въ саду есть тѣнистые прохладные уголки. Генераль, вы вѣдь любитель цвѣтовъ? Пойдемте, какую я вамъ чудную махровую петунію покажу.

Вслѣдъ за хозяйкой весело поднялся и генераль и, точно очарованный, сталъ ей повторять:

— О, съ наслажденіемъ! О, съ величайшимъ наслажденіемъ!

Поднялись съ своихъ мѣстъ и другіе.

Нина Михайловна продолжала очаровывать генерала описаніемъ петуніи:

— Цвѣтъ — гранатовый съ бѣлыми жилками... Вчера только совсѣмъ распустилась. Низкорослая. Но *Grandiflora*. Прямо исполинская...

Генераль умиленно покачалъ головой и восторгался:

— О!.. О!.. О!..

Пенинскій, съ улыбкой Мефистофеля, тихо пошелъ позади нихъ.

Пока старшіе вели этотъ разговоръ въ гостиной, младшіе раздѣлились: Котя съ Маней вышли сначала на террасу, потомъ спустились въ садъ, ушли; а Володя съ Музой и Леной, побывъ немного въ гостиной, перешли въ кабинетъ. Лена, возвращая Володѣ полученную отъ него книгу стиховъ, указала ему нѣсколько стихотвореній, которыя ей понравились, и заставила теперь Володю прочесть ихъ имъ вслухъ. Володя отошелъ въ кабинетъ поближе къ окну, гдѣ лучи свѣта могли падать на книгу чрезъ щели жалюзи, и, стараясь казаться увлеченнымъ, декламировалъ. Муза дѣлала видъ, что она такъ же, какъ и Лена, внимательно слушаетъ, но въ дѣйствительности все время видимо безпокоилась; она сѣла такъ, чтобъ изъ кабинета ей были видны отецъ и Нина Михайловна, и слѣдила за ними. Теперь, когда старшіе, направляясь въ садъ, проходили мимо дверей кабинета, Муза не вытерпѣла и окликнула отца:

— Папа! Не забывай меня — я здѣсь.

Генераль немного смутился, но сейчасъ же нѣжно-нѣжно отозвался:

— Не безпокойся, радость моя, не безпокойся.

Нина Михайловна любезно замѣтила:

— Ваша дочь очень любитъ васъ?

Генераль опять-было смутился, но восторженно отвѣтилъ:

— О, мы такіе друзья съ Музой! — И, уже выходя на террасу, повторилъ: — Такіе друзья!..

А шедшій позади всѣхъ Ивановъ, взявъ подъ руку Молодцыгина, хотѣлъ на ходу продолжать свое повѣствованіе:

— Да-съ, такъ вотъ въ такую-то жару Куропаткинъ отдалъ приказъ, чтобъ...

Но Молодцыгинъ пріостановился и прервалъ его:

— Позвольте, полковникъ, — какъ, бишь, зовутъ-то вашу барышню?

— Какую?

— Да вотъ вчера-то пріѣхала? Учительницу?

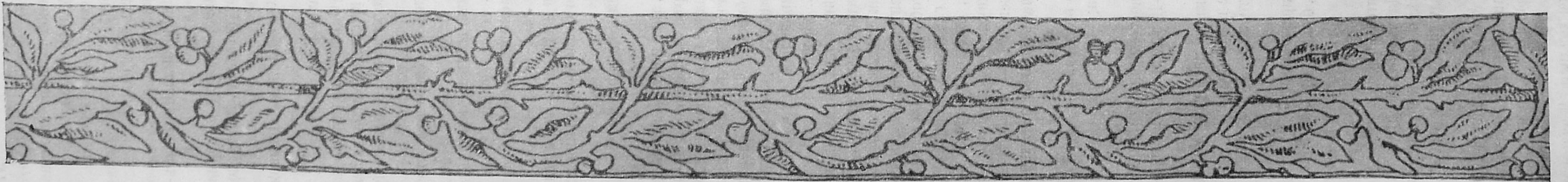
— А!.. Ольгой Петровной зовутъ. Да. А вамъ на что?

— Нѣтъ, такъ... Управляющему всѣхъ знать и помнить надо.

— Это такъ, — смѣясь, сказалъ полковникъ. — А ежели для компаніи — такъ не стѣить.

И онъ по-пріятельски подмигнулъ Ивану Федоровичу. Тотъ пристально посмотрѣлъ на него и машинально освободилъ отъ его руки свою руку. Ивановъ, опять принимая серьезный видъ и тонъ, продолжалъ:

— Какъ учительницу — очень мнѣ ее хвалили. А разговоръ у

Г. Мясоѣдовъ. Сумерки.

нея на все одинь: „да“, „нѣтъ“, — и сейчас же носъ въ книжку.

Рука полковника очутилась опять подь локтемъ Ивана Федоровича.

— Пойдемте. Ну-съ такъ вотъ: жара стояла въ Ляоянѣ,—ну, прямо китайская. А Куропаткинъ...

И опять не удалось ему кончить фразу: Володя, Муза и Лена выходили наперерѣвъ имъ изъ кабинета въ гостиную.

Володя спросилъ:

— Всѣ отправились въ садъ?

Молодцыгинъ вмѣсто отвѣта уступилъ барышнямъ дорогу:

— Пожалуйте.

Володя отвѣтилъ ему за нихъ:

— Идите, идите, мы сейчасъ.

V.

Иванъ Федоровичъ съ полковникомъ прошли на террасу и въ садъ, Володя—въ столовую.

Муза говоритъ Ленѣ:

— Въ сущности, какое Владиміру Ильичу дѣло до всѣхъ этихъ модернистовъ съ ихъ вычурнымъ стихоплетствомъ. Онъ — дѣльный человѣкъ. Несмотря на его молодость, онъ отлично можетъ заниматься своими большими и прибыльными дѣлами.

Лена посмотрѣла на нее съ отгѣнкомъ презрительнаго сожалѣнія. Но тонъ ея безупречно вѣжливъ:

— Но на что ему и всѣ его дѣла и деньги, если въ его жизни не будетъ поэзіи!

— Какъ-будто поэзія только въ стихахъ? Да еще въ декадентскихъ!

Лена попрежнему безупречно вѣжливо отвѣтила:

— Поэзія вездѣ и для каждаго, кто умѣетъ находить ее

Муза горячо заявила:

— Высшая поэзія—имѣть столько денегъ, чтобъ дѣлать все, что захочешь.

Володя вернулся изъ столовой, неся на маленькомъ серебряномъ подносикѣ стаканъ воды. Съ любезной улыбкой онъ подаль его Музѣ:

— Вотъ.

Муза приняла его съ улыбкой еще болѣе любезной, но жестомъ величественнымъ:

— Благодарю васъ.

И выпила жадно, почти залпомъ.

Володя съ своей обычной любезной усмѣшкой спросилъ:

— Еще?

А она съ величіемъ:

— Я не лошадь.

Онъ:

— Вулканъ, быть-можетъ?

Муза:

— Не упадите въ жерло—проглотите!

Володя поспѣшилъ поставить на ближайшій столъ подносъ съ пустымъ стаканомъ и сейчасъ же сдѣлалъ шагъ къ Музѣ вплотную:

— Позвольте быть поближе—ужасно люблю подвергать свою жизнь опасности.

Муза ласково-ласково посмотрѣла на него и сердечнымъ тономъ сказала:

— Не надо, не надо рисковать. Жизнь вамъ улыбается. Вы должны оберегать себя отъ всякихъ случайностей. Идите-ка подь мою защиту.

И она рѣшительно взяла его подь руку и плотно прижала къ себѣ.

Володя искоса посмотрѣлъ на нее лукаво-вопросительнымъ взглядомъ и въ отвѣтъ на ея послѣднія слова спросилъ:

— Отъ васъ самой?

Муза нѣжно-покровительно и въ то же время шутливо-громко прошептала ему:

— Отъ всего на свѣтѣ! — И съ вызывающей улыбкой посмотрѣла прямо въ глаза Ленѣ.

Лена покраснѣла и не нашлась, что сказать.

Но Володя перевелъ свой взглядъ на Лену и сердечно поманилъ ее:

— Ну, Елена Антоновна, если моя защитница окажется одной изъ тѣхъ русалокъ, о которыхъ такъ хорошо говоритъ Бальмонтъ: „мы знаемъ страсть, но страсти не подвластны“, — такъ вы, какъ добрый геній, во-время откройте мнѣ глаза.

Лена смутилась-было еще болѣе, но сейчасъ же съ легкой проницей отвѣтила:

— Муза Андреевна едва ли обернется русалкой: поэтическіе образы, годные для Бальмонта, не могутъ остановить на себѣ ея вниманіе. Эта поэзія для нея легковѣсна, она человѣкъ положительный.

Володя усмѣхнулся:

— Но ее зовутъ Муза, а это

Муза прервала его:

— Оставьте пошлости. Меня зовутъ такъ только потому, что мнѣ было всего три дня, когда меня крестили. Будь мнѣ тогда хоть три года, я не позволила бы поставить себя на всю жизнь въ ложное положеніе.

Володя продолжалъ въ шутливомъ тонѣ:

— Но вы сейчасъ, когда я вошелъ, говорили, мнѣ показалось, о поэзіи. Кажется, что-то въ родѣ того, что безъ денегъ нѣтъ поэзіи?

Муза почувала въ его тонѣ знакомую язвительность, отняла у него свою руку и притворно-сурово посмотрѣла на него:

— Кажется, что-то совѣмъ въ другомъ родѣ! Я говорила о поэзіи не задумываться надъ исполненіемъ своихъ желаній... когда для этого есть деньги.

Теперь Володя, въ свою очередь, играючи, сдѣлалъ видъ, что задумался. Потомъ съ комическимъ вздохомъ произнесъ:

— Должно-быть, я не поэтъ. Я всегда имѣлъ деньги и до сихъ поръ рѣшительно не находилъ соответствующихъ моимъ средствамъ серьезныхъ желаній.

Муза опять смягчилась и ласково предложила:

— Займите у меня.

— Желаній?

— Не денегъ, разумѣется. Денегъ я могу занять у васъ.

Лена злорадно посмотрѣла на Музу и съ лукавой наивностью, милымъ голоскомъ, посоветовала ей:

— Вы лучше продайте. Тогда у Владиміра Ильича будутъ желанія, а у васъ деньги.

Володя поспѣшилъ предупредить возможность рѣзкаго отвѣта и, протянувъ Музѣ руку, весело сказалъ:

— Идетъ! Напишите подробный счетъ, и мы втроемъ: я, мамаша и Иванъ Федоровичъ—обсудимъ эту операцію въ нашемъ ближайшемъ дѣловомъ засѣданіи.

Муза не была расположена обижаться: энергично сдвинувъ брови, она съ веселой улыбкой опять крѣпко взяла Володю подь руку и вмѣстѣ съ нимъ повернулась къ выходу на террасу:

— Идемте торговаться.

Володя на мгновеніе поддался; но сейчасъ же остановился:

— Pardon!—И, повернувшись къ Ленѣ, предложилъ ей свободную руку: — Я долженъ просить присутствовать при торгѣ и прекраснаго маклера, предложившаго сдѣлку. Елена Антоновна, помогите мнѣ не остаться въ убыткѣ.

Лена съ мало скрытой радостью взяла его подь локоть и, идя, сказала:

— Посмотримъ, подходятъ ли предлагаемыя желанія къ дѣйствительно желаемымъ.

Володя дѣловито согласился:

— Вотъ именно! — И, горделивой походкой выступая между своихъ дамъ и увлекая ихъ за собой, онъ комически произнесъ: — Запрягли.

И они пошли такъ къ террасѣ.

Но Муза сейчасъ же точно опомнилась, отпустила его руку:

— Втроемъ-то все-таки неудобно. Я хоть и русская, но предпочитаю пару въ дышло. Въ пристяжныхъ не пойду.

А на террасѣ вдругъ появился Давидъ.

Тогда отпустила руку Володи и Лена.

Володя съ шутливымъ недоумѣніемъ оглянулся на ту и другую:

— Распрягли... Двинемся въ одиночку.

И съ любезной улыбкой онъ красивымъ жестомъ руки указалъ барышнямъ на дверь:

— Avancez, mesdames!

Идя за ними, онъ мимоходомъ бросилъ посторонившемуся Давиду вопросъ:

— Ты что?

— За фруктами барыня послали.

— А!

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Мадонна бѣдныхъ“.

Очеркъ Ады Негри.

(Разрѣшенный авторомъ переводъ съ итальянскаго В. Владнева).

„Мадонна бѣдныхъ“, это — Александрина Равицца.

Уже больше тридцати лѣтъ бѣднѣйшее населеніе Милана любитъ и благословляетъ ее, эту избранную женщину, отважно спускающуюся на самое дно нищеты, порока и преступленія, чтобы протянуть руку помощи побѣжденнымъ въ жизненной борьбѣ.

Александрина Равицца творитъ чудеса: поддаваясь обаянію ея образа, ея рѣчи, ея взгляда, безнадежные пьяницы покидаютъ кабаки и вступаютъ на путь полного воздержанія; профессиональные ворышки, уберезженные ею отъ тюрьмы, превращаются въ безукоризненно порядочныхъ людей; падшія женщины, извлеченныя ею изъ вертеповъ и больницъ, становятся честными работницами.

Какъ добивается она этого — я не знаю. Это ея секретъ. Такъ, Фонтанези создавалъ на полотнѣ свои небеса, Сегантини — свои льды. Такъ, Микель-Анджело высѣкъ изъ мрамора свою Ночь, и Бенвенуто Челлини отливалъ изъ бронзы своего Персея.

Александрина Равицца тоже геній. Ея призваніе — любовь къ обездоленнымъ, культъ добра.

Талантъ художника и артиста зрѣетъ въ борьбѣ съ техническими трудностями. Въ суровой школѣ жизненнаго опыта закалила избранная женщина свой природный даръ — альтруизмъ.

Александрина Равицца родилась въ Россіи, въ Гатчинѣ, возлѣ Петербурга. Мать ея была русская, отецъ — итальянецъ: Мадзини (Mazzini). Военноплѣнный — въ качествѣ офицера наполеоновскихъ войскъ — онъ принялъ въ послѣдствіи русское подданство и служилъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія.

„Избранница“ обладаетъ основнымъ свойствомъ славянской души — неумолимой послѣдовательностью, стремленіемъ добиться поставленной цѣли хотя бы цѣною самой жизни.

Но стальная твердость характера, презрѣніе къ опасности, отважное и спокойное мужество смягчены у Александрины Равиццы чисто-итальянскимъ любвеобиліемъ и нѣжностью сердца.

Въ 1863 году она пріѣхала въ Италію, гдѣ черезъ три года вышла замужъ за итальянца — инженера Равицца.

Въ 1868 году она встрѣтилась съ Лаурой Мантегацца, знаменитой филантропкой. Эта женщина помогла Александринѣ найти себя самою, свое настоящее призваніе.

Догадавшись о скрытыхъ силахъ, ищущихъ выхода, въ душѣ Равиццы, Лаура зажгла ее своимъ пламенемъ, сдѣлала изъ молодой женщины своего товарища и сподвижника. Но она прожила недолго и, умирая, завѣщала ей свое дѣтище — Народную Профессиональную Школу въ Миланѣ.

Съ того момента начинается эпоха дѣятельности Александры Равиццы, и обнаруживается энергія, на какую она оказалась способна.

Женская Профессиональная Школа была въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи. Какъ добыть необходимыя средства?

Равицца предложила Комитету обратиться къ дирекціи театра Св. Радегонды (въ то время лучшей драматической театръ) съ просьбой дать спектакль въ пользу Школы.

Она добилась этого. Но спектакль назначили на... вечеръ Страстнаго четверга. Быть-можетъ, не безъ задней мысли: кто же, въ самомъ дѣлѣ, ходитъ по театрамъ въ Страстной четвергъ!

Какъ удалось вывернуться Равиццѣ — не знаемъ. Сколько поро-

говъ пришлось ей обить, сколько горячихъ словъ убѣжденія потратить — не знаемъ. Но свершилось чудо: въ тотъ памятный вечеръ театръ былъ переполненъ, и сборъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія.

Такъ положено было начало матеріальному процвѣтанію Школы.

Нѣсколько лѣтъ спустя въ помощь нищенскому населенію квартала „Порта Гарибальди“ Равицца основала „Кухню для бѣдныхъ больныхъ“ съ основнымъ капиталомъ въ... 20 франковъ (8 рублей). Положительно вѣра ея въ притокъ пожертвованій на доброе дѣло была безгранична!

Сборъ денегъ она довѣрила ворышкамъ, состоящимъ на примѣтѣ у полиціи, и своему старому другу — бывшему каторжнику. И они представили ей самый точный и детальный отчетъ въ собранныхъ деньгахъ, гораздо болѣе достовѣрный, чѣмъ отчеты многихъ кассировъ съ „безукоризненнымъ“ прошлымъ.

Очень суровая зима, во время которой миланскіе бѣдняки сотнями умирали отъ холода и голода, побудила Равиццу устроить „Образцовую экономическую кухню“, существующую и понынѣ.

Затѣмъ возникъ миланскій Народный университетъ — прекрасное учрежденіе, въ короткое время утвердившееся прочно и незыблемо, раскинувшее, подобно вѣтвямъ

огромнаго дерева, свои отдѣленія и несущее мощь и красоту просвѣщенія въ самыя отдаленныя и жалкіе кварталы предмѣстій. Нужно ли говорить, что основательницей его была Александрина Равицца? Послѣ Экономической кухни — Народный университетъ! Послѣ пицци матеріальной — пицца духовная! Это логично.

Въ 1898 году, когда миланскія тюрьмы были переполнены политическими заключенными, Равицца обратилась съ трогательнымъ воззваніемъ къ итальянскимъ женщинамъ и открыла под-

писку (по 5 центезимовъ) на улучшеніе пицци заключенныхъ. Въ короткій срокъ въ ея распоряженіи оказались крупныя суммы. Но этимъ она не удовлетворилась. Она лично обошла директоровъ и хозяевъ промышленныхъ заведеній и добилась согласія на обратный пріемъ всѣхъ политическихъ заключенныхъ по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы. У правительства ей удалось получить 63.000 франковъ вознагражденія желѣзнодорожнымъ служащимъ, уволеннымъ за эту знаменитую всеобщую стачку.

Равицца пользуется въ Миланѣ такой популярностью, что, когда она появляется въ бѣдныхъ кварталахъ, ее постоянно провожаютъ восторженными взглядами, улыбками и привѣтствіями.

Если ей случается проходить поздно вечеромъ по ули-

цамъ, кишачимъ ворами и профессиональными нищими — раздаются пересвистыванья, и таинственные сдавленные голоса предупреждаютъ: „Тес... Равицца идетъ!“

Жизнь мчится впередъ, возрастъ Равиццы становится преклоннымъ.

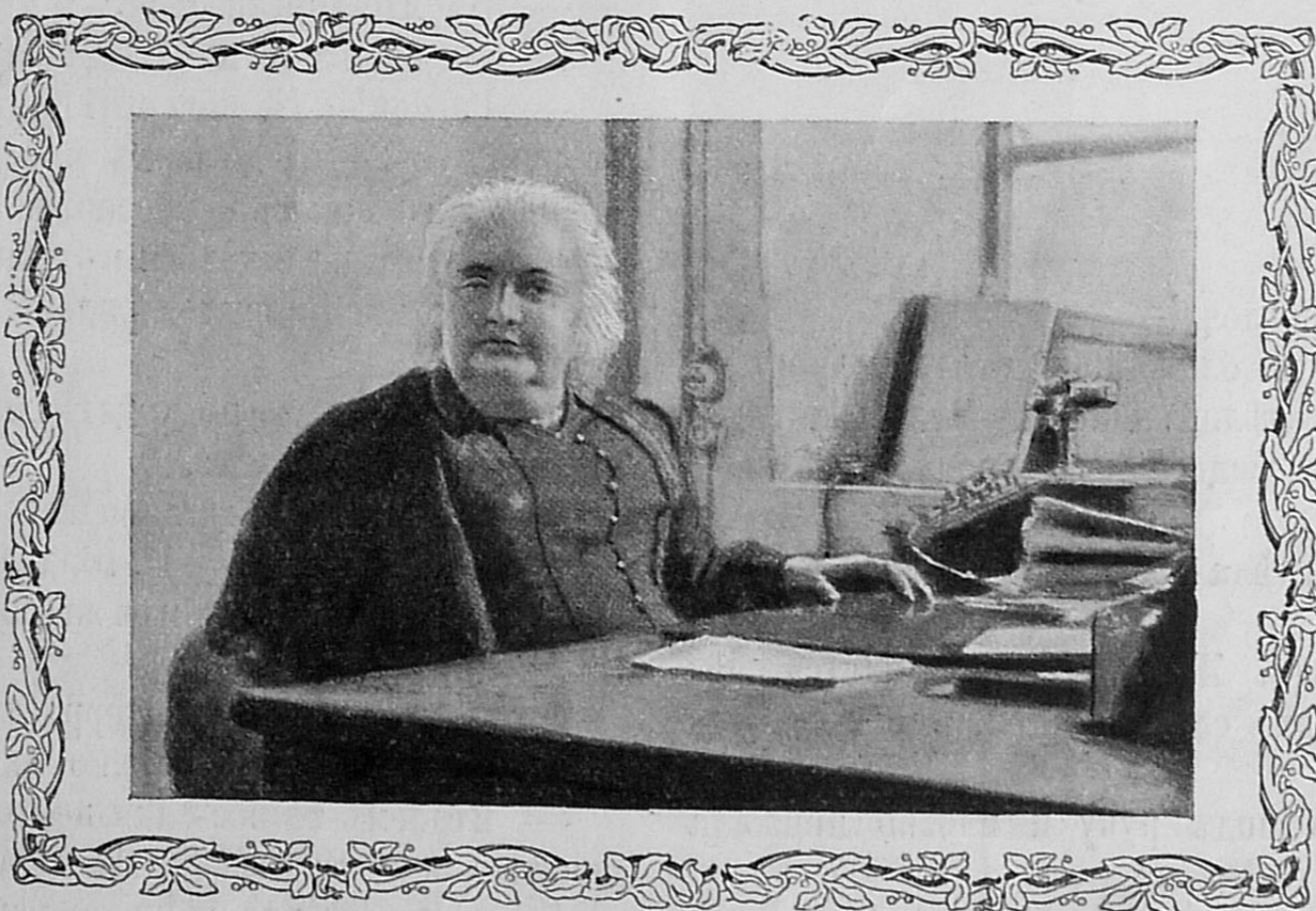
Она съ полнымъ правомъ могла бы сослаться на усталость, удалиться на отдыхъ. Но развѣ подобныя существа думаютъ когда-нибудь объ отдыхѣ? Какъ растенія своими корнями, они скрѣплены своей неутомимой жаждой дѣятельности.

Равицца дышитъ свободно лишь въ атмосферѣ нищеты и горя, пропитанной зловредными миазмами. Но она дышитъ ею, очищая ее!

Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ она основала при си-

Ада Негри.

Александрина Равицца.

филиитическомъ госпиталѣ руководѣльную школу для павшихъ женщинъ и дѣтей, зараженныхъ этой ужасной болѣзью. И больныя учатся тамъ читать въ книгахъ слова любви и всепрощенія, а на лицѣ Александрины Равицы нѣчто такое, что дѣти съ отравленной кровью встрѣчаютъ тамъ ласку и уходъ. На Рождество для нихъ устраивается елка, раздаются игрушки... Единственная, можетъ-быть, радость въ ихъ жизни.

Найдутся люди, которые назовутъ это ненужной, бесполезной жалостью. Но не существуетъ „ненужной“ жалости!

И скрасить хоть на мигъ жизнь несчастнаго ребенка — достаточно для оправданія своего собственнаго существованія.

Въ настоящее время Александрина Равица нашла новое поле для своихъ героическихъ подвиговъ въ „Домѣ труда“.

Ея замѣчательный даръ психологическаго проникновенія, ея безграничное человѣколюбіе, апостольскаго проникновенія, ея пылъ и—больше всего—ея своеобразная анархическая мораль, благодаря которой при самомъ низкомъ паденіи человѣка она умѣетъ разглядѣть въ немъ проблески духовной красоты, божественную искру,—все эти свойства ея находятъ здѣсь широкое примѣненіе.

На улицѣ Manfredo Fanti общество „Umanitaria“ устроило убѣжище для безработныхъ. Здѣсь они могутъ въ теченіе трехъ недѣль пользоваться ночлегомъ, пищей, медицинской и юридической помощью и имѣть небольшой заработокъ.

Само собой разумѣется, работа, которую имъ даютъ, очень несложная, не требующая спеціальной подготовки: упаковочные ящики, коробки, конверты, бумажные мѣшки для лавокъ и аптекъ.

Стоять на порогѣ подобнаго учрежденія, встрѣчая лицомъ къ лицу ежедневный натискъ бродячей нищеты, обрушивающейся на нее, какъ обломки послѣ кораблекрушенія, выбрасываемые океаномъ на берегъ, можетъ только Александрина Равица.

Она неотлучно на своемъ посту, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, съ тихимъ, спокойнымъ голосомъ.

Истощенныя женщины, испорченные подростки, мужчины-безработные, выходцы изъ тюремъ съ „волчьимъ паспортомъ“, безродные нищіе, непризнанные поэты — все тѣ, кто не могъ или не хотѣлъ направить въ опредѣленное русло свою жизнь, приходятъ къ ней.

Она спрашиваетъ безъ выпытыванія, утѣшаетъ безъ аффектаціи и всегда почти умѣетъ словомъ или совѣтомъ поддержать ослабѣвающую энергію, влить новыя силы въ отчаявшееся сердце.

Много людей прошло предъ нею, открывая ей свою душу. Она увѣковѣчила нѣкоторыхъ въ своихъ рассказахъ, проникнутыхъ трогательной правдивостью. Если бы, подобно лѣтописцу,

она захотѣла все ихъ занести на страницы своихъ воспоминаній, получились бы своего рода горьковскіе шедевры. Сквозь густой туманъ испареній нищеты и порока, слезъ и, нерѣдко, крови выступили бы кошмарно-зловѣщія фигуры, выхваченныя прямо изъ жизни, точнѣе—изъ того жизненнаго омуты, гдѣ человекъ всего искреннѣе, ибо онъ—*внѣ закона*.

Сложная психологія жалкаго бродяги, преступника, полная неожиданныхъ противорѣчій, близка русской душѣ Равицы. И нравится ей. И съ горячей страстностью стремится она проникнуть въ самыя глубины ея, чтобы лучше овладѣть ихъ душами и поднять ихъ до той высоты, на которой свобода и равенство проявляются въ добродѣтели и красотѣ.

Но Александрина Равица не имѣетъ времени для воспоминаній. Она осуществляетъ на практикѣ афоризмъ, вложенный Гауптманомъ въ уста Анны изъ „Одинокихъ“: „Никогда не слѣдуетъ оглядываться, если хочешь идти впередъ“.

Она идетъ впередъ. Она устала. Порою сердце, слишкомъ сильно гнавшее кровь въ моменты прекрасныхъ порывовъ ея жизни, полной борьбы, требуетъ отдыха. Но нѣтъ ему отдыха! Въ Александринѣ Равицѣ живетъ героическій духъ. И такъ какъ горе и бѣдствія, побуждающія ее къ дѣятельности, неисчерпаемы, она никогда не можетъ остановиться.

Сознаніе громадности работы, которую нужно еще выполнить, должно сильно угнетать ее, заставляя считать ничтожною колоссальную работу, уже выполненную ею.

Но она сумѣла уже достигнуть предѣла, на которомъ человѣческое состраданіе соприкасается съ абсолютнымъ, подобно тому, какъ далекая линия моря сливается порою съ небомъ въ прозрачной дымкѣ, окутывающей горизонтъ.

Однажды ей встрѣтились бѣдныя похороны. Простой, некрашенный гробъ, безъ цвѣтовъ, словно стыдился своей наготы. Казалось, тотъ, кто покоился въ этомъ гробу, не имѣлъ ни близкихъ ни родныхъ—никого. Одинокій уходилъ онъ изъ міра, какъ, можетъ-быть, и жилъ одинокій...

И женщина пошла за этимъ гробомъ по улицамъ, переполненнымъ спѣшащими и равнодушными людьми, подъ свинцовымъ сводомъ дождеваго неба.

Она проводила покойника и покинула его лишь тогда, когда земля съ глухимъ и зловѣщимъ шумомъ посыпалась въ отверстую могилу.

Видѣвшіе принимали ее за мать или сестру усопшаго.

Да,—и матерью и сестрою была она ему во имя высшаго закона женской доброты!

Не знаю, чувствовалъ ли усопшій ея присутствіе. Но высшее состраданіе, на какое только способна женщина, проявилось въ этомъ смиренномъ поступкѣ неутомимой героини, проводившей до мѣста послѣдняго упокоенія одинокій прахъ неизвѣстнаго.

„Мои воришки“.

Изъ жизни подонковъ Милана. Разказъ А. Равицы.

(Разрѣшенный авторомъ переводъ съ итальянскаго В. Владнева).

Интересъ къ социальнымъ явленіямъ, съ которыми не приходится сталкиваться непосредственно въ жизни, не можетъ возникнуть у человѣка самъ собою. Особенно у женщины изъ „общества“.

Необходимо для того, чтобы какой-нибудь изъ ряда вонъ выходящій случай произвелъ на насъ очень сильное впечатлѣніе, задѣвъ наиболѣе чувствительныя струны души нашей.

Тогда вселяется въ нее „святое безпокойство“ и, постепенно нарастая, властно побуждаетъ насъ къ дѣйственному вмѣшательству въ окружающее зло.

Такъ было и со мною. Толчкомъ, заставившимъ меня заинтересоваться и ближе познакомиться съ жизнью и средой малолѣтнихъ воришекъ, послужила коротенькая газетная замѣтка въ отдѣлѣ „присшествій“.

Съ равнодушіемъ, граничащимъ съ жестокостью, въ ней сообщалось мелкимъ шрифтомъ о самоубійствѣ въ тюрьмѣ четырнадцатилѣтняго мальчугана.

Онъ былъ арестованъ по подозрѣнію. Все его маленькое существо возмутилось противъ несправедливаго обвиненія, и онъ повѣсилъ на рѣшеткѣ окна своей камеры, оставивъ записку такого содержанія: „убиваю себя, потому что я невиненъ и честенъ“.

Несчастный мальчуганъ, стоически расстающійся съ жизнью, чтобы громко провозгласить о своей невинности, совершенно завладѣлъ моимъ воображеніемъ. Мысль о немъ неотступно преслѣдовала меня, какъ кошмаръ.

Я и не подозрѣвала раньше, что дѣтей сажаютъ въ тюрьму. И какъ-то никогда не задавала себѣ даже вопроса, все ли дѣти растутъ въ семьѣ, окруженныя любовью и заботами.

Теперь я впервые поняла, какъ преступно невѣдніе социальнаго зла.

Предсмертныя слова маленькаго самоубійцы звучали въ душѣ моей.

Онъ не давалъ мнѣ покоя, этотъ голосъ, вышедшій изъ преждевременной могилы, затерянной въ большомъ мірѣ. Голосъ жалобы и упрека, являвшійся какъ бы призывомъ къ равнодуш-

ному обществу, мольбой за столькихъ другихъ несчастныхъ дѣтей, фатально обреченныхъ на преступленія.

И я дала мысленно торжественное обѣщаніе этому невинному существу, чья чуткая душа не перенесла несправедливаго подозрѣнія, что постараюсь поддержать по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторыхъ изъ его товарищей, скользящихъ по наклонной плоскости отъ голода къ пороку и преступленію.

Мнѣ удалось добиться разрѣшенія посѣтить тюрьму для малолѣтнихъ преступниковъ.

Съ сердцемъ, замирающимъ отъ жалости и ужаса, проходила я по безконечнымъ сводчатымъ коридорамъ, по обѣ стороны которыхъ расположены тѣсныя, темныя камеры. И въ каждой изъ нихъ я видѣла дѣтей, карабкающихся, цѣпляющихся за рѣшетку окна, тянущихся, какъ цвѣтокъ къ свѣту.

Долго смотрѣла я, выйдя изъ тюрьмы, на эти крошечныя окна, за которыми томятся маленькіе заключенные.

Какъ прійти къ нимъ на помощь? Чтѣ дѣлать? Съ чего начать? Вступитъ въ прямыя сношенія съ арестованными не представлялось никакой возможности: двѣ стѣны отдѣляли ихъ отъ меня:—материальная стѣна тюрьмы и нематериальная—закона...

Въ ожиданіи, пока представится случай завязать знакомство въ этой спеціальной средѣ, я устроила въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Милана „кухню для бѣдныхъ больныхъ“.

Средствъ въ моемъ распоряженіи почти не было, и „кухня“ эта начала функционировать при 20 франкахъ (8 рублей) основнаго капитала.

Для нея было снято подвальное помѣщеніе одного мрачнаго дома, сплошь заселеннаго, какъ оказалось впоследствии, самыми подозрительными, съ точки зрѣнія полиціи, жильцами.

Въ одно холодное декабрьское утро, направляясь въ „кухню“, я встрѣтила босого, оборваннаго мальчугана, посинѣвшаго отъ холода. Онъ просилъ милостыню и, чтобы разжалобить прохожихъ, выставялъ напоказъ свой правый глазъ, обезображенный, ничѣмъ не прикрытый, ужасною язвой.

Я отвела его въ „кухню“. По тому, какъ онъ набросился на

пищу, было видно, что ему давно не случалось утолять досыта свой голодъ.

Изъ его разсказа я узнала, что отецъ его давно умеръ, мать же, жившая съ другимъ еще при отцѣ, бросила ребенка на произволъ судьбы.

Онъ существовалъ милостыней. Когда день бывалъ „удачный“, онъ отправлялся ночевать въ харчевню съ изображеніемъ двухъ стульевъ на вывѣскѣ. Тамъ за пять центезимовъ даютъ пару стульевъ, пристроившись на которыхъ, можно проспять цѣлую ночь. Если денегъ не было — приходилось довольствоваться какимъ-нибудь темнымъ уголкомъ на улицѣ.

Такъ онъ перебивался уже два года.

Когда я спросила его, хочетъ ли онъ выльчиться, по лицу его прошла цѣлая гамма самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ прошепталъ:

— Очень.

Мнѣ удалось помѣстить его въ госпиталь, гдѣ онъ и оставался въ теченіе цѣлаго года.

Это былъ шустрый мальчуганъ. Привыкнувъ скитаться по улицамъ Милана, онъ цѣлыми днями, съ повязкой на глазу, бродилъ по дворамъ госпиталя. Скоро онъ оказался „на побѣгушкахъ“ у всего больничнаго населенія. Въ промежуткахъ между выполненіемъ порученій онъ предавался всевозможнымъ проказамъ, и не разъ я получала письма отъ завѣдующаго больницей съ просьбой избавить заведеніе отъ этого „бича Божія“.

Приходилось отправляться распекать его, и это помогало, но не надолго. Скоро онъ снова принимался за старое.

Выльчившись наконецъ и окрѣпнувъ, благодаря хорошему питанію и гигиеническимъ условіямъ жизни, онъ былъ принятъ въ каретную мастерскую и безъ особаго труда сдѣлался хорошимъ работникомъ.

Это былъ первый „спасенный“ мною. Начало было удачное.

Второй... Я и сейчасъ какъ-будто вижу его передъ собою.

Мать его была торговка фруктами, вдова съ цѣлымъ выводкомъ малышей. Она привела его однажды ко мнѣ вся въ слезахъ, умоляя помочь помѣстить его въ исправительное заведеніе — она-де выбилась съ нимъ изъ силъ.

Робертъ — такъ звали мальчугана — былъ настоящій Гаврошъ. Блѣдный, худой, съ лицомъ, постоянно скорченнымъ въ комическую гримасу, подвижной и ловкій, какъ акробатъ. На него нельзя было смотрѣть безъ невольной улыбки.

Исключенный изъ всѣхъ школъ за всякаго рода плутовскія проделки съ учителями, онъ жилъ на улицѣ, изобрѣтая самыя невозможныя развлечения.

На воровство онъ смотрѣлъ, какъ на свое естественное и неотъемлемое право. Для него было ясно, какъ день, что всякій голодный можетъ и долженъ пользоваться чужимъ добромъ, и, разумѣется, онъ былъ сущимъ наказаніемъ для всѣхъ торговцевъ фруктами.

Угрозы не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. О мѣрахъ болѣе серьезныхъ нечего было и думать: никто не въ состояніи былъ догнать его.

Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ его способовъ приобрѣтенія вишенъ.

Онъ отправлялся на базаръ съ живымъ ракомъ — конечно, нелегальнаго происхожденія — привязаннымъ на длинную нитку. Проходя мимо прилавка съ фруктами и увидя моментъ, когда торговка отвернется, онъ издали бросалъ своего рака въ корзину и затѣмъ вытягивалъ его съ сочными плодами въ клешняхъ.

Въ большинствѣ случаевъ торговки не могли удержаться отъ смѣха. Но если онѣ принимали въ серьезъ, онъ отвѣчалъ съ плутовской улыбкой: „это не я, это — рак!“

Однажды ему удалось выдрессировать лягушку. Бѣдное животное обитало у него въ карманѣ. По временамъ онъ извлекалъ ее оттуда и давалъ на улицѣ представленія. Онъ окрестилъ свою плѣнницу необыкновенно подходившимъ къ ней именемъ популярной въ то время англійской танцовщицы.

Впрочемъ, скоро его жертва покончила свое существованіе, не будучи въ состояніи примириться съ непривычными для нея условіями жизни.

Онъ снабдилъ меня самыми обширными и детальными свѣдѣніями о школахъ воровъ, куда принимаются не только самыя ловкія, но и самыя маленькія дѣти, такъ какъ на нихъ труднѣе падаетъ подозрѣніе, и имъ легче скрыться незамѣченными въ толпѣ.

По цѣлымъ часамъ бесѣдовали мы съ нимъ. Онъ имѣлъ свободный доступъ ко мнѣ, и я съ любопытствомъ присматривалась къ нему и изучала его. Онъ дѣлалъ мнѣ самыя изумительныя признанія съ легкостью и искренностью, въ гораздо болѣе мѣрѣ являвшимся результатомъ не цинизма, а чистоты и невинности, свойственныхъ его возрасту.

Наша дружба дошла до того, что мнѣ стали извѣстны всѣ тайны школы и общества воришекъ. Я заслужила полное его шутками, ни его плутовскими проделками, ни тѣмъ, что онъ продолжалъ поддерживать, тайкомъ отъ всѣхъ, дружескія сношенія съ „вольными птицами“, какъ онъ называлъ своихъ товарищей-воришекъ.

Они не имѣли опредѣленнаго пристанища и находили его всюду, гдѣ было можно. Цѣлый день забавлялись они подъ от-

крытымъ небомъ, и въ то время, какъ одни были „на работѣ“, другіе развлекались игрою въ орлянку.

У нихъ былъ свой „атаманъ“, которому они повиновались безпрекословно. Плоды трудовъ своихъ члены шайки добросовѣстно цѣликомъ вручали своему атаману, который велъ сношенія съ перекупщиками краденаго, удерживая, конечно, въ свою пользу львиную долю выручки.

Чтобы быть принятымъ въ „общество“, надо было быть ловкимъ, увертливымъ и представить гарантіи „характера“, выдержки и умѣнья держать языкъ за зубами.

— Знаешь, — сказала мнѣ однажды Робертъ: — я еще ни разу не укралъ ни часовъ ни портмонэ, хотя и научился этому. Хочешь видѣть, какъ это дѣлается?

И маленькая дѣтская ручка съ такой быстротой и легкостью проникла въ мой карманъ, что прежде, чѣмъ я успѣла что-нибудь замѣтить, мое портмонэ оказалось уже въ его распоряженіи.

— Очень важно, — замѣтилъ онъ: — чтобы сердце не билось при этомъ слишкомъ сильно. Такія вещи надо дѣлать безстрашно. Нѣкоторымъ, сколько съ ними ни бьются, никогда не удается научиться толкомъ. Они — дураки, и ихъ сейчасъ же поймаютъ. Но меня учитель очень хвалилъ.

Когда заходила рѣчь о предстоящемъ его поступленіи въ исправительное заведеніе, онъ утѣшалъ себя слѣдующими соображеніями:

— Зато я буду носить красивую форму, играть на трубѣ и — когда вырасту — заниматься амурами.

Передъ обаяніемъ форменной одежды, игры на трубѣ и любви, — о которой, кстати сказать, онъ имѣлъ своеобразное и отнюдь не пошлое представленіе, — отступали на задній планъ удовольствія воровскихъ проделокъ, игръ, кувырканья на открытомъ воздухѣ и шутокъ, подчасъ жестокихъ, надъ прохожими.

При встрѣчахъ на улицѣ онъ привѣтствовалъ меня самыми невѣроятными прыжками, а если я ѣхала въ каретѣ — онъ „помогалъ“ ей катиться, необыкновенно ловко поворачивая колеса за спицы. И, видя мое испуганное лицо, сіялъ торжествомъ и гордостью.

Послѣдніе дни его свободной жизни были сплошнымъ бѣснованіемъ.

Бѣдный Робертъ! Два мѣсяца спустя (въ теченіе которыхъ онъ выказалъ способности и любовь къ ученію), онъ умеръ, какъ и его ученая лягушка. Кто знаетъ — почему? Быть-можетъ, и онъ, какъ его плѣнница, могъ жить только въ подходящей средѣ.

„Эти мальчишки — сущіе бѣсенята“, — жаловался мнѣ полицейскій бригадиръ, время отъ времени посѣщавшій „кухню“. Нѣтъ съ ними сладу! Иного совсѣмъ ужъ приготовишься схватить за шиворотъ, а онъ выскользнетъ у тебя изъ рукъ, словно угорь, и мигнуть не успѣешь, какъ уже удралъ.

„Когда стоитъ тепло — они, какъ саранча, цѣлыми компаніями дѣлаютъ нашествія на сосѣднія деревни и опустошаютъ ихъ. Тѣ, что посильнѣе, для виду работаютъ на рисовыхъ поляхъ. Потомъ отправляются въ морскіе порты и тамъ нанимаются въ грузчики зерна. Заканчиваютъ свои лѣтнія турнэ сборомъ винограда.“

„Зимой занимаются городскими кражами. Болѣе взрослые обучаютъ и развращаютъ мелюзгу. Среди нихъ встрѣчаются мальчишки отъ 8 до 15 лѣтъ.“

„Только голодъ заставляетъ ихъ сдаться. Какъ промучить онъ ихъ дня три, — ну, тогда ихъ легко поймать. Въ остальномъ же на рѣдкость выносливы. Спятъ даже въ январѣ — прямо на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Только ужъ очень сильные морозы загоняютъ ихъ въ ночлежки, гдѣ ютится всякій подозрительный людъ.“

„Въ Миланѣ, впрочемъ, у нихъ есть и свои особыя пристанища, содержатели которыхъ открываютъ имъ порою даже кредитъ.“

Все это я знала не хуже самого бригадира изъ разсказовъ Роберта.

Скоро у меня завязались и новыя знакомства.

Однажды въ „кухнѣ“ слышу вопросъ, обращенный ко мнѣ:

— Это вы — графиня?

Передо мною — мальчуганъ, грязный, оборванный, но съ такимъ открытымъ лицомъ и такими прелестными глазами, что я не могла удержаться, чтобы не потрепать его ласково по щекѣ, несколько не удивившись такому обращенію.

— Чтѣ же тебѣ надо? — спросила я мальчика.

Титуломъ графини меня давно уже наградили посѣтители „кухни“, думая, вѣроятно, такимъ образомъ выразить мнѣ свою признательность. А, можетъ, просто костюмъ мой, выдѣлявшійся въ этомъ бѣдномъ кварталѣ, вызывалъ у нихъ извѣстную долю почтительности.

— Правда, что вы кормите даромъ, и что, пока я здѣсь, полиція не посмѣетъ схватить меня?

Я постаралась успокоить его, а онъ сообщилъ мнѣ, что давно уже слышалъ обо мнѣ и рѣшился наконецъ своимъ глазами провѣрить, правда ли то, что разсказываютъ. Тѣмъ болѣе, что умираетъ съ голода, и, если бы даже я и позволила запереть его въ „коробку“ — все равно! Въ концѣ концовъ онъ и самъ бы отправился туда, — другого исхода положительно нѣтъ!

Справедливость своихъ словъ онъ доказалъ краснорѣчиво той жадностью, съ какою набросился на ѣду. Я все время боялась, что онъ подавится — такіе куски отправлялъ онъ себѣ въ ротъ и съ такой быстротой, что руки его двигались, какъ крылья вѣтряной мельницы.

Пока онъ ѣлъ, передъ моими глазами прошли все маленькіе заключенные, которыхъ я видѣла въ тюрьмѣ прильнувшими къ рѣшеткамъ въ погонѣ за свѣтомъ и воздухомъ. И сердце мое больно сжалось, когда я представила этого мальчугана, еще полнаго силъ и здоровья, въ тѣсной и темной камерѣ.

Когда онъ насытился, я начала свой допросъ:

— Знаешь ли ты какое-нибудь ремесло?

Безъ тѣни смущенія, безъ слѣдовъ краски на лицѣ, не опуская своихъ ясныхъ глазъ, онъ отвѣтилъ:

— Я занимаюсь воровствомъ.

— Мать у тебя есть?

— Я ее никогда не видалъ. Есть отецъ, да дома у насъ во всемъ недостатокъ. Брата моего взяли въ исправительное заведение, а я удралъ. Слишкомъ ужъ отецъ ворчать любить. Скучно это черезчуръ. Теперь я — вольная птица. Ворую, играю, забавляюсь. Да и атаманъ ко мнѣ хорошо относится.

— А кто твой атаманъ?

Въ этомъ вопросѣ мальчикъ заподозрѣлъ ловушку. Въ его ясныхъ глазахъ появились сомнѣніе и тревога.

Я попыталась исправить свой промахъ:

— Если ты не хочешь отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ и не надо. Порѣшимъ на томъ, что, когда будешь голоденъ и негдѣ будетъ поѣсть — ты придешь сюда. Я не сдѣлаю никакого зла ни тебѣ ни твоимъ товарищамъ.

Мои слова успокоили его лишь наполовину. Онъ поглядывалъ на дверь, и, видимо, ему не терпѣлось поскорѣе юркнуть въ нее.

Однако что-то удерживало его.

— Спасибо! — прознесъ онъ вдругъ неожиданно, съ совершенно дѣтской деликатностью и застѣнчивой улыбкой.

На его выразительномъ лицѣ я читала и благодарность и безпокойство, не слишкомъ ли онъ проболтался, и нетерпѣніе удрать поскорѣе.

Наконецъ однимъ прыжкомъ, словно полъ горѣлъ у него подъ ногами, онъ кинулся къ двери и исчезъ.

Мой новый посѣтитель не заставилъ себя долго ждать. На этотъ разъ онъ довѣрчиво признался, что дошелъ до послѣдней крайности. Слѣдять отчаянно. Невозможно ничего предпринять — полицейскіе такъ и ходятъ по пятамъ. Многіе изъ ихъ „общества“ попали въ „коробку“, и даже самъ атаманъ не знаетъ — чего бы погрызть.

Какое въ самомъ дѣлѣ отчаянное положеніе!

Пока онъ все это рассказывалъ тономъ человѣка, не знающаго, куда толкнуться, мнѣ пришелъ въ голову одинъ планъ.

— Слушай, — сказала я ему: — хочешь остаться съ нами работать въ „кухнѣ“? Кромѣ одежды, пищи и помѣщенія, я тебѣ буду платить 50 центезимовъ (20 коп.) въ день, какъ твой атаманъ давалъ тебѣ при удачныхъ дѣлахъ...

Предложеніе не пришлось повторять. Оно было принято сейчасъ же.

— Смотрите, — замѣтилъ мальчикъ: — вы берете меня на службу къ вашимъ бѣднымъ. Но будете ли вы *всегда* держать меня у себя? Я долженъ это знать, потому что, если вы прогоните меня — куда мнѣ тогда дѣться? Товарищи не захотятъ больше имѣть со мною дѣла — „пай-мальчики“ имъ не нужны, они ихъ бьютъ.

Я обнадежила мальчугана, и онъ такъ рьяно принялся за работу, что черезъ нѣсколько дней пришлось сдерживать его рвеніе, причинявшее слишкомъ большой ущербъ котламъ и кастрюлямъ.

Усердію Чезарино (такъ звали моего новаго пріятеля) соответствовалъ его аппетитъ, благодаря которому онъ скоро превратился въ великолѣпнаго краснощекаго мальчугана.

Но скоро я замѣтила, какъ велика была взятая мною на себя отвѣтственность.

Едва только посуда, сверкающая отъ чистки, была разставлена по мѣстамъ и все приведено въ порядокъ, какъ Чезарино началъ умирать со скуки.

Это малоинтересное занятіе, постоянно одно и то же, и необходимость, покончивъ съ нимъ, сидѣть, сложа руки, за отсутствіемъ другой работы въ полутемной кухнѣ, угнетали мальчика не меньше, чѣмъ нотации отца.

Оторвать ребенка отъ воровства и бродяжничества, чтобы обречь его на праздность — хорошаго мало!

Въ то время много было разговоровъ объ одномъ профессорѣ-филантропѣ, придумавшемъ великолѣпный методъ борьбы съ порокомъ: онъ подвергалъ маленькихъ „преступниковъ“ благотворному дѣйствию свѣжаго морского воздуха на старомъ суднѣ, стоявшемъ въ Генуэзскомъ порту.

Я написала профессору, и онъ отвѣтилъ мнѣ телеграммой:

„Ждите меня съ ребенкомъ на вокзалѣ въ Миланѣ въ такой-то день и часъ. Въ рукѣ держите бѣлый платокъ“.

Когда я сообщила Чезарино о возможной въ его жизни перемены, онъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости:

— Ахъ! стать морякомъ! Не чистить больше кастрюль, не подметать половъ! Сдѣлаться матросомъ! Ахъ, море! Отправиться въ страну краснокожихъ, попугаевъ и обезьянъ! Это правда? Въ самомъ дѣлѣ правда?

Я разыскала отца мальчика, такъ какъ необходимо было его согласие.

Онъ оказался такимъ отвратительнымъ существомъ, что, признаваясь, я не могла не оправдать въ душѣ бѣгства мальчика.

Мнѣ самой пришлось выслушать длиннѣйшую проповѣдь, въ про-

долженіе которой у мальчугана появилось на лицѣ уже знакомое мнѣ выраженіе непреодолимой скуки.

Въ концѣ концовъ отецъ позволилъ мнѣ опредѣлить мальчика на корабль. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что выполнилъ до конца свои отцовскія обязанности, и что такой шалопай не заслуживаетъ моихъ заботъ.

Радостное ожиданіе предстоящаго отъѣзда сдѣлало Чезарино еще болѣе экспансивнымъ и разговорчивымъ, чѣмъ раньше.

Воспоминанія толпились въ его головѣ. Изъ числа товарищей чаще всего вставала передъ нимъ фигура атамана. Атаманъ очень любилъ Чезарино и бралъ его въ самыя рискованныя экспедиціи, или когда нужно бывало одурачить полицейскихъ, слѣдовавшихъ по пятамъ.

О, какія веселыя гримасы дѣлали они въ какой-нибудь засадѣ, гдѣ выжидали въ полной безопасности, пока полицейскій патруль пройдетъ мимо нихъ!

Какіе прекрасные сны снились имъ въ ихъ неприступномъ убѣжищѣ! Никто изъ банды не зналъ о немъ, кромѣ Чезарино, бывшаго адъютантомъ и повѣреннымъ всехъ тайнъ атамана. Находилось это убѣжище въ кварталѣ Порты Теналье, возлѣ старинной таможни, и Лино (такъ звали атамана) случайно открылъ его.

Среди многочисленныхъ вѣковыхъ деревьевъ мальчикъ нашелъ одно съ совершенно пустымъ стволомъ. Это дупло представляло изъ себя надежнѣйшее въ мірѣ убѣжище.

Они приближались къ нему темною ночью со всевозможными предосторожностями и, взобравшись, какъ бѣлки по вѣтвямъ, соскальзывали въ широкой стволъ дерева, навѣвавшего имъ сладкіе сны тихимъ шелестомъ своихъ вѣтвей.

Устроившись на днѣ дупла, прижавшись другъ къ другу, они согрѣвались теплотою собственныхъ тѣлъ, болтали нѣкоторое время и наконецъ безмятежно засыпали.

Атаманъ обыкновенно жилъ особнякомъ отъ прочихъ членовъ банды, назначая имъ свиданія въ опредѣленную часть въ условленномъ мѣстѣ. Тамъ принималъ онъ отъ нихъ отчетъ въ совершенныхъ проделкахъ, отбиралъ добычу, раздавалъ приказанія и распределялъ роли участниковъ въ новыхъ набѣгахъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ выступали въ одиночку. Большею частью дѣйствовали втроемъ или вчетверомъ. Украдшіе часы или бумажникъ немедленно передавалъ ихъ другому, тотъ — слѣдующему, и такимъ образомъ, если первый и попадался — добыча была уже далеко.

Скупщиковъ краденаго всегда бывало достаточно. Чезарино рассказывалъ мнѣ объ одномъ разносчикѣ фруктовъ, который не только укрывалъ краденое, но и самъ подбиралъ дѣтей и обучалъ ихъ воровскому ремеслу. Только что обученный новичокъ проявлялъ усиленную дѣятельность, плоды которой попадали въ руки достойнаго учителя.

Атаманъ банды, по отзывамъ Чезарино, былъ герой. И какой щедрый! Правда, онъ удерживалъ при раздѣлѣ большую часть добычи въ свою пользу, но зато въ трудныя времена онъ заботился обо всей бандѣ.

Если малыши бывали голодны, онъ способенъ былъ ограбить лавку среди бѣла дня. И какъ ловко!

Глаза Чезарино блестя отъ наивнаго восторга.

Наканунѣ отъѣзда мальчикъ ночевалъ у меня. Утромъ я нашла его въ кухнѣ начищавшимъ обувь, какую только ему удалось разыскать.

Кто плакалъ при разставаніи, такъ это женщина, прислуживавшая въ „кухнѣ“. Съ трудомъ удалось успокоить ее. Положительно мальчуганъ умѣлъ заставить полюбить себя.

Да еще много времени спустя я узнала отъ одной старушки, разбитой параличомъ и прикованной къ постели, трогательную подробность.

Чезарино носилъ ей пищу изъ „кухни“ и всякій разъ задерживался безъ всякой съея стороны просьбы, подметалъ ей комнату, приносилъ воды, вообще оказывалъ всякія услуги. Онъ былъ свѣтлымъ лучомъ въ ея печальномъ существованіи.

Когда мы шли на станцію, городъ еще не просыпался.

Мальчикъ сжималъ подъ мышкой свертокъ съ провизіей. Я держала его за руку, и мы поспѣшно шагали.

— Зачѣмъ ты держишь меня такъ крѣпко?

При взаимномъ довѣрїи мы давно перешли на „ты“.

— Потому что хочу тебѣ добра, мой мальчикъ.

— Ты боишься, что я удеру?

До отхода поѣзда оставалось уже немного времени.

Я держала въ рукѣ, какъ было условлено, бѣлый платокъ. Чезарино, серьезный, молчаливый, стоялъ возлѣ меня.

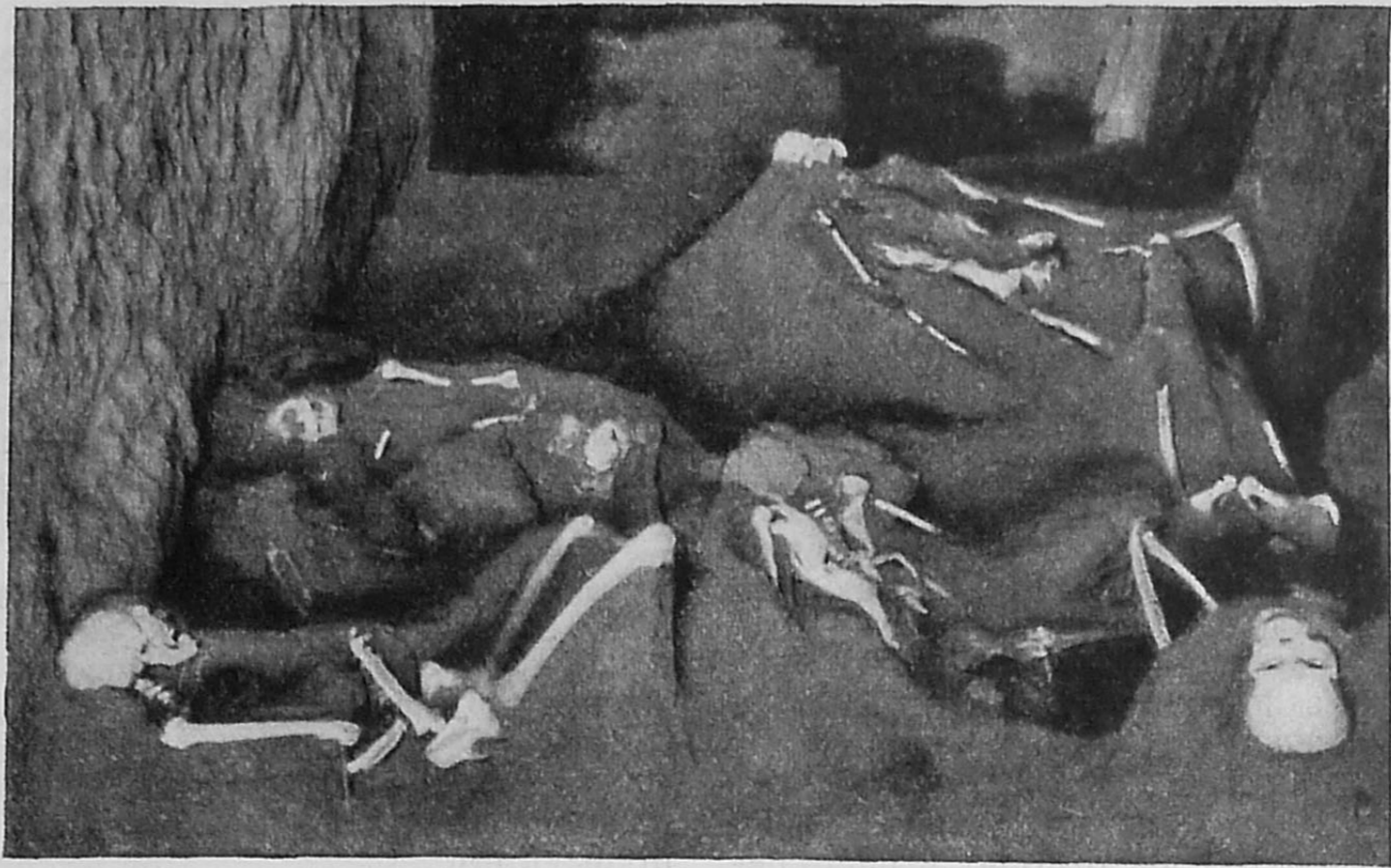
Вдругъ человекъ съ выразительнымъ и симпатичнымъ лицомъ подошелъ къ намъ и радушнымъ шопотомъ произнесъ:

— А, вотъ вы оба! Ну, живо, мальчуганъ! Пора ѣхать. Прекрасно, сударыня! Когда вамъ попадется въ руки еще одинъ, — поступайте такъ же: напишите, и я приѣду взять его.

Все это было произнесено такъ тепло и сердечно, словно мы были старые знакомые.

Мы вошли въ вагонъ. Мальчикъ, сжимая подъ мышкой свой сверточекъ, молчалъ, избѣгая встрѣчаться со мною взглядами.

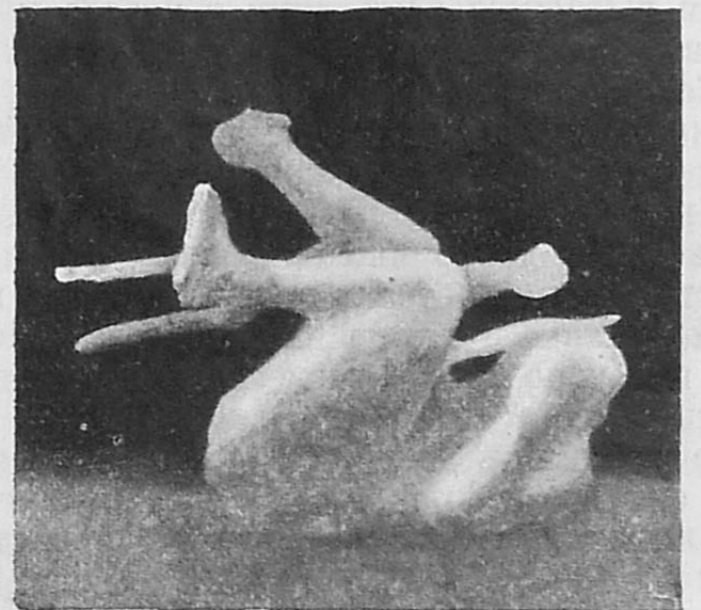
Когда подошелъ кондукторъ, чтобы закрыть дверцу вагона, и я сошла на платформу, Чезарино, бросивъ свой сверточекъ на сидѣнье, спустился на подножку.

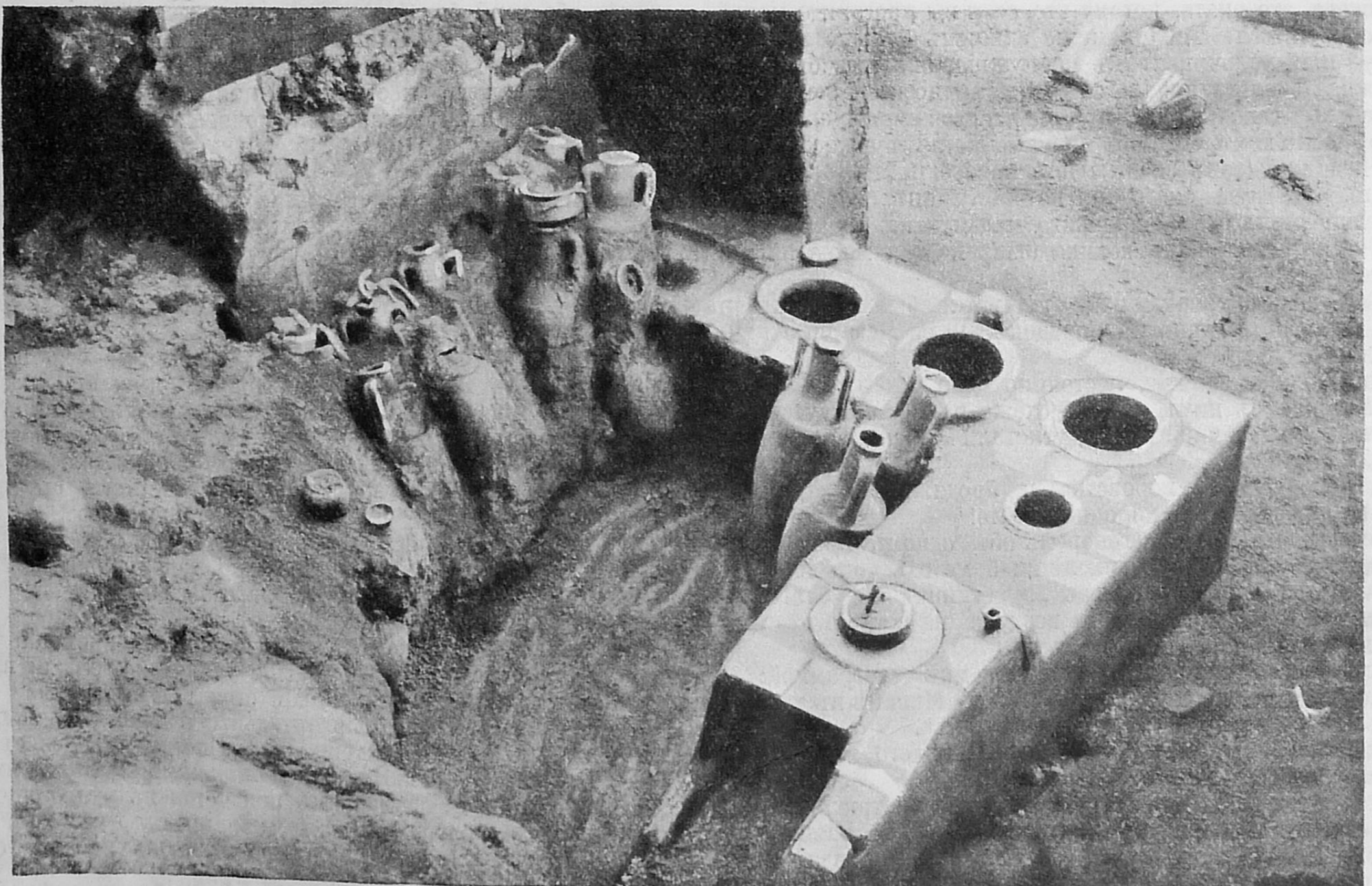
Останки семьи Обеллия Фирма в томъ видѣ, какъ эту семью застала катастрофа 79 года. Налѣво—мужъ и жена держатся за руки, въ центрѣ — двое дѣтей въ объятіяхъ другъ друга, направо — вѣроятно, двое слугъ.

Помпеянскій „баръ“. Наружныя стѣны, на одной изъ которыхъ слѣды выборной надписи.

Предсмертное положеніе погибающаго; воспроизведено посредствомъ гипсового слѣпка съ углубленія, оставленнаго въ землѣ тѣломъ; у человѣка въ ногахъ сучокъ дерева, на которомъ онъ спасался и который не выдержалъ его тяжести.

Баръ“ перваго вѣка христіанской эры (внутренній видъ) съ плитой, на которой приготавливались жаркое и пирожныя, съ маленькимъ кубомъ съ крышкой и амфорами, въ которыхъ сохранялись напитки.

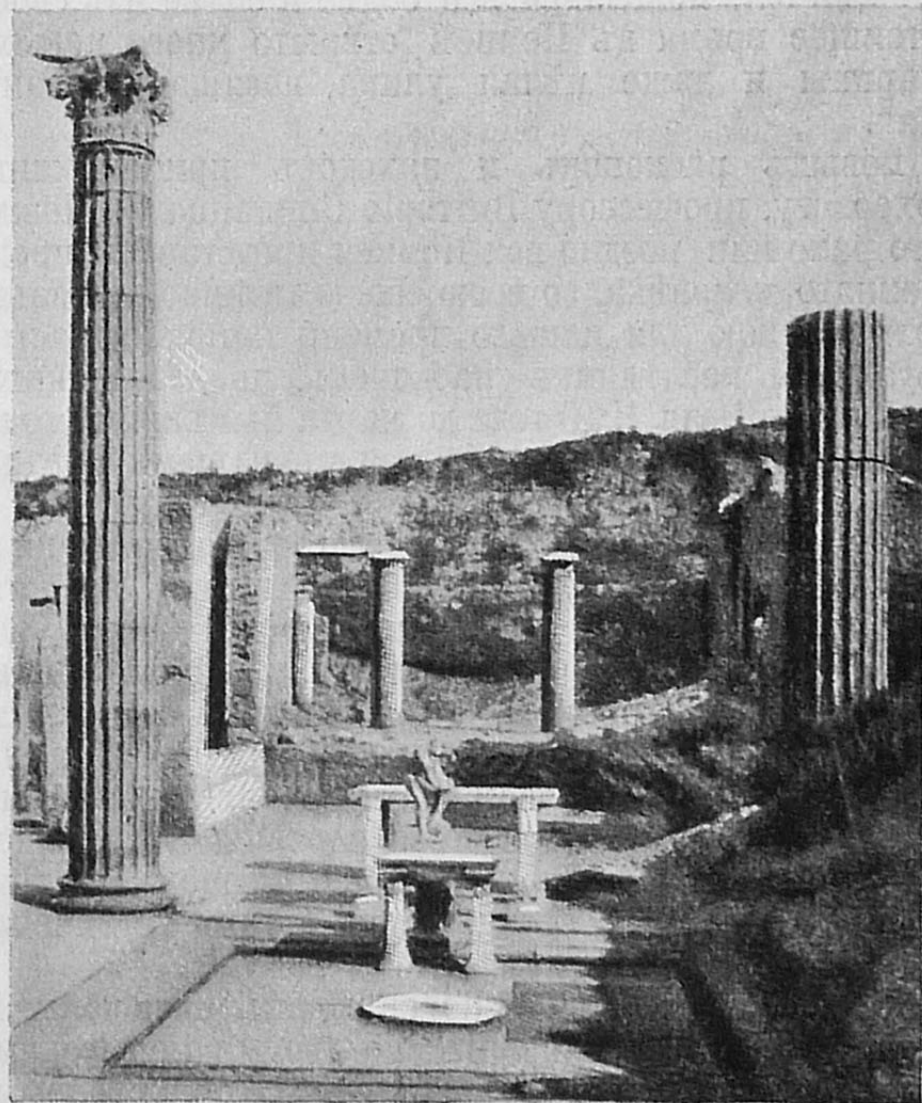
Новыя раскопки въ Помпеѣ.

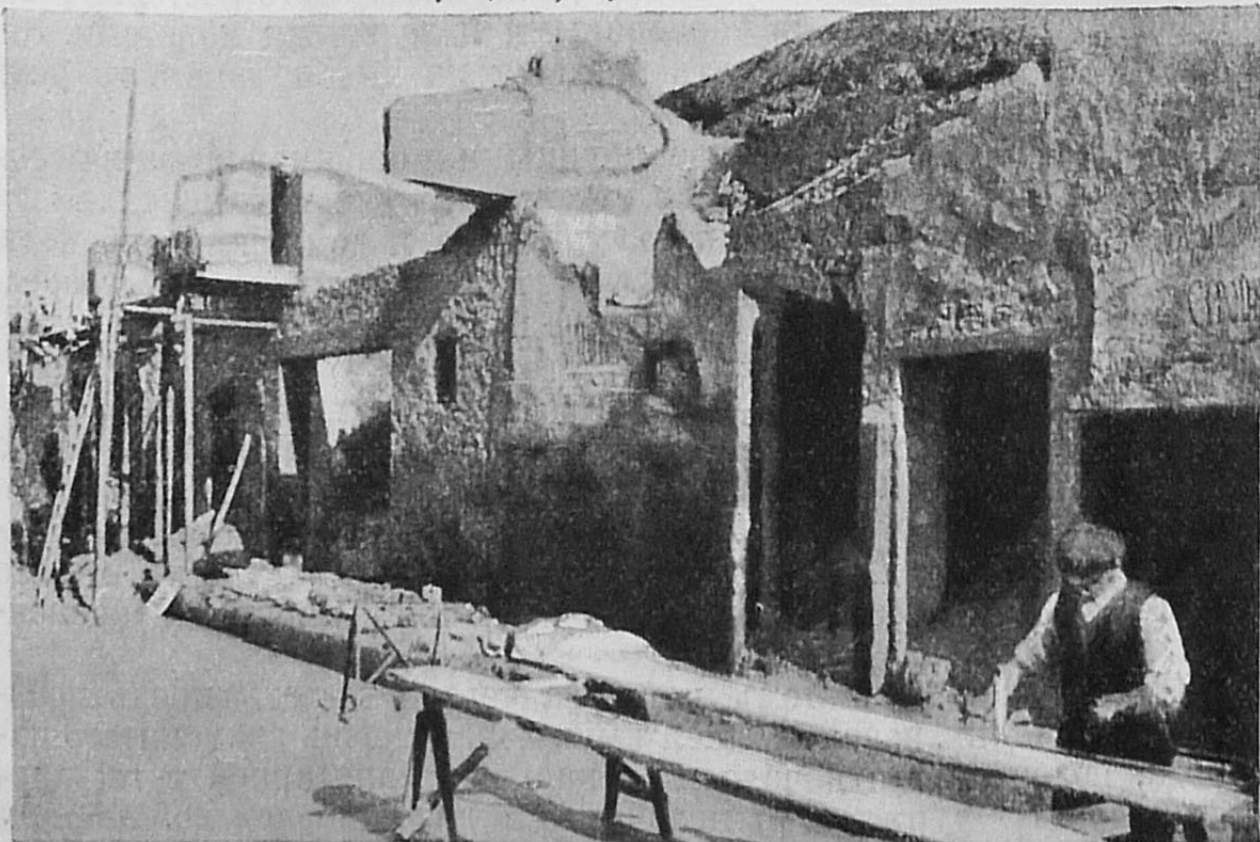
„Улица Изобилія“, только-что откопанная; направо — дома, у которыхъ удалось отчасти сохранить балконы.

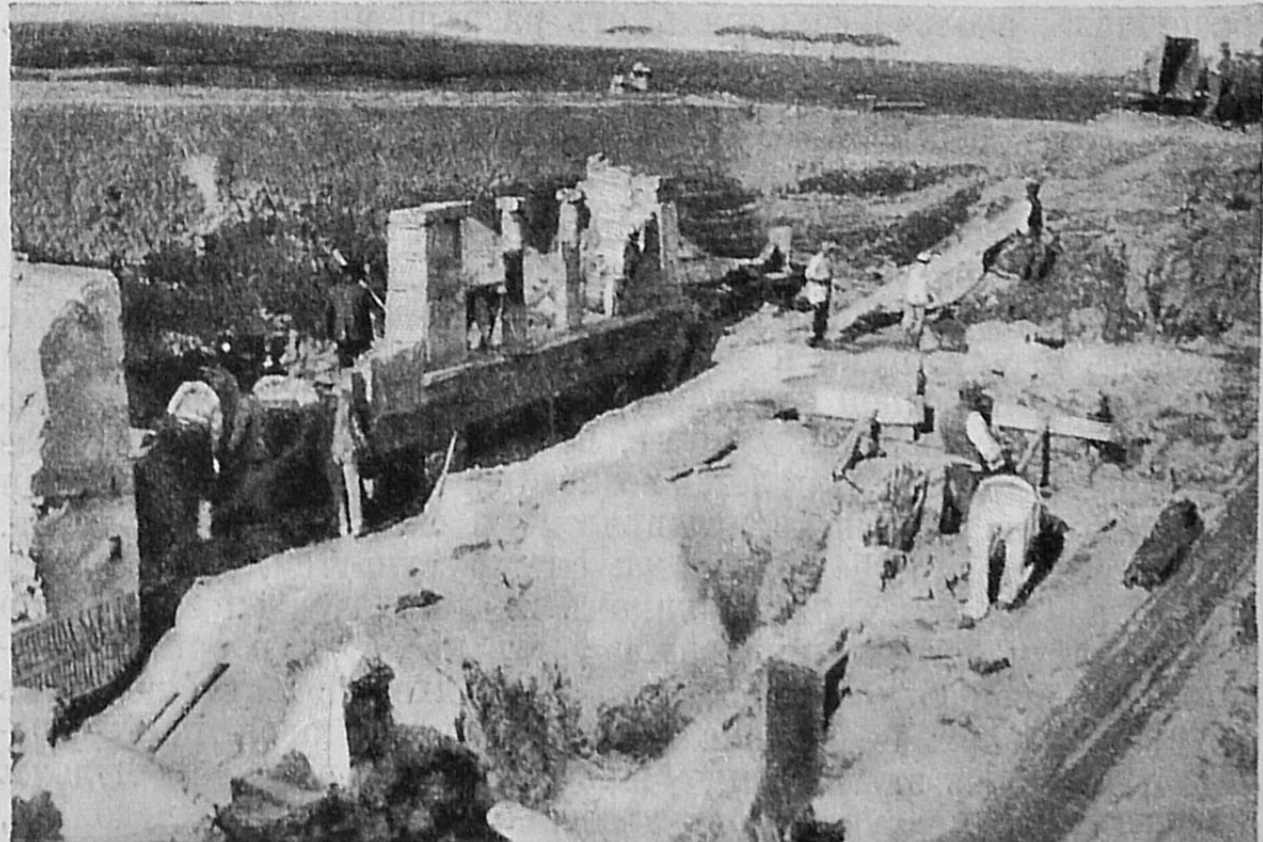
Общественный фонтанъ; фрески на фонтанѣ изображаютъ двѣнадцать божествъ Олимпа и жрецовъ, приносящихъ жертвы ларамъ.

Атріумъ и перистиль дома богатаго помпеянца Обеллія Фирма.

Древняя дорога, вновь увидѣвшая свѣтъ: „улица Изобилія“ съ ея домами, украшенными балконами (послѣ раскопокъ).

Въ разгарѣ работъ на раскопкахъ: домъ, освобожденный отъ земли.

Новыя раскопки въ Помпеѣ.

Въ стремительномъ порывѣ обвилъ онъ мою шею руками, поцѣловаль меня и, приложивъ губы къ моему уху, прошепталъ:

— Лино знаетъ тебя и, можетъ-быть, придетъ къ тебѣ, когда устанетъ воровать. Не прогони его, помоги ему!

Я прижала мальчика къ сердцу, а затѣмъ толкнула обратно въ вагонъ, къ тому доброму человѣку, съ отеческой любовью посвятившему себя дѣлу возрожденія маленькихъ заблудшихъ душъ.

Чезарино оправдалъ мои надежды. Два мѣсяца спустя я получила письмо отъ профессора, бывшего въ восторгѣ отъ новаго воспитанника.

Онъ росъ красивый, добрый, работающій. Жизнь на морѣ захватила его, и онъ уже не зѣвалъ больше отъ скуки.

Слова, которыя Чезарино шепнулъ мнѣ при разставаньи, глубоко запали мнѣ въ душу. Я сейчасъ же принялась за поиски атамана воришекъ, но не сразу нашла на вѣрный путь.

Встрѣтивъ бригадира, я обратилась къ нему за совѣтомъ.

Бригадиръ зналъ „атамана“ прекрасно. Онъ безпомощно развелъ руками, говоря, что полиція давно уже разыскиваетъ „бульдога“ (такъ прозвали мальчика за приплюснутый носъ), но поймать его никакъ не удастся.

Этого я, разумеется, и не хотѣла.

Но кое-какія свѣдѣнія объ атаманѣ я все же почерпнула изъ нашей бесѣды.

Звали его Лино (сокращеніе отъ Паскалино). Отецъ его пропалъ безъ вѣсти, а мать жила съ любовникомъ и имѣла цѣлую кучу „незаконныхъ“ дѣтей.

Лино посѣщала нѣкоторое время школу. Будучи однажды наказанъ за постонокъ, въ которомъ не былъ повиненъ, онъ запустилъ въ учителя чернильницей и былъ исключенъ.

Тогда онъ собралъ цѣлую банду сверстниковъ и организовалъ знаменитое „общество“, члены котораго въ зависимости отъ „заработковъ“ то предавались пиршествамъ, то терпѣли изнурительный постъ.

Привлекаемый неизвѣстнымъ, Лино порою предпринималъ длинныя путешествія, посѣщала новые города и страны, изловчаясь всякими способами добывать себѣ пропитаніе.

Черезъ годъ-другой такой жизни онъ закалился, привыкъ ко всевозможнымъ лишениямъ, усталости, физическому труду, сталъ ловкимъ, какъ обезьяна, со стальными мышцами и нервами.

Случай помогъ мнѣ завязать съ нимъ болѣе тѣсныя сношенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новыя раскопки въ Помпеѣ.

(Съ 9 рис. на стр. 378 и 379).

Нѣсколько вѣковъ лежавшая подъ пепломъ и лавой Помпея постепенно возрождается, появляясь все болѣе и болѣе изъ своей могилы. Въ настоящее время въ Помпеѣ открыто много новыхъ памятниковъ старины и даже цѣлая улица, носящая названіе „улицы Изобилія“.

Честь этихъ новыхъ раскопокъ и находокъ принадлежитъ итальянскому археологу, профессору Витторіо Спинаццола. Можно предполагать, что рано или поздно вся Помпея предстанетъ предъ взоромъ современнаго человѣка, со всею своею античною жизнью, такъ странно сохраненною для нашего времени потоками застывшей лавы. Результаты послѣднихъ раскопокъ, произведенныхъ въ послѣднее время, съ іюля 1910 года до марта нынѣшняго года, позволяютъ думать, что мы не ошибаемся въ нашемъ предположеніи.

Та часть Помпеи, которая была открыта до этого времени и хорошо извѣстна туристамъ и ученымъ археологамъ, представляетъ собою, какъ оказывается, далеко не самую интересную половину города. Новая, только-что открытая „улица Изобилія“ отличается болѣе жизнерадостнымъ и, такъ сказать, болѣе интимнымъ характеромъ, чѣмъ тѣ мрачныя руины, которыя были открыты до послѣдняго времени. Въ этой новой части древняго города мы встрѣчаемъ гораздо болѣе яркіе образы и картины той красивой и своеобразной античной жизни, которая ключомъ кипѣла здѣсь около двухъ вѣковъ тому назадъ и была такъ трагически внезапно оборвана страшнымъ изверженіемъ Везувія.

Совершенно неожиданное впечатлѣніе свѣжести и спокойствія производитъ эта новая „улица Изобилія“ со своими невысокими изящными домами, съ узенькими балкончиками, съ красивыми фресками, сохраняющими до сихъ поръ яркія краски, съ крупными и издали замѣтными вывѣсками. Невольно кажется, что разгнѣванный Вулканъ смягчилъ здѣсь свой гнѣвъ и не столько разрушалъ, сколько сохранялъ отъ разрушенія, неизбежнаго съ теченіемъ вѣковъ.

Раскопки производились здѣсь съ большимъ тщаніемъ и осторожностью, по особому методу, позволившему сохранить все откопанное въ томъ видѣ и положеніи, въ какомъ оно было застигнуто катастрофой. Откопаны цѣлые дома, и среди нихъ особенно выдѣляется красотой и сохранностью домъ нѣкоего зажиточнаго помпейца, Обеллія Фирма. Сохранился и въ цѣлости откопанъ весь атриумъ и перистиль этого прелестнаго по своей тонкой и благородной архитектурѣ дома. Нѣкоторыя изъ дивныхъ колоннъ, окружающихъ атриумъ, почти не повреждены ни катастрофой ни временемъ и легко возносятся къ синему небу. Внутри дома откопано нѣсколько человѣческихъ скелетовъ; повидимому, это—семья самого Обеллія Фирма: онъ съ супругой, двое дѣтей и прислуга. Супруги найдены лицомъ къ лицу; руки ихъ взаимно стыли въ прощальномъ поцѣлуѣ... Здѣсь же найденъ еще одинъ трупъ или, вѣрнѣе—впадина въ землѣ, въ которой прежде лежалъ трупъ. Въ эту впадину былъ налитъ для полученія муляжа алебастръ, и получилось скульптурное изображеніе человѣка, скорчившагося съ предсмертной судорогъ. Ногами онъ обхватилъ суку дерева — и, по всѣмъ вѣроятіямъ, пытался спастись на де-

ревѣ, но оно обломилось подъ его тяжестью, несчастный упалъ на землю и подвергся общей трагической участи.

Всѣ эти новыя раскопки однако собраны на сравнительно небольшомъ протяженіи: вся „улица Изобилія“ имѣетъ только 70 метровъ въ длину. Откопано въ настоящее время около 12 домовъ, и откапываются еще новые. Изъ другихъ реликвій, кромѣ вышеописаннаго дома Обеллія Фирма, обращаютъ на себя вниманіе уличный общественный фонтанъ и такъ называемый „термополіумъ“—нѣчто въ родѣ открытаго ресторана или „бара“, какъ теперь принято называть такіе рестораны.

Фонтанъ нѣкогда давалъ воду изъ двухъ большихъ отверстій въ стѣнѣ. Сохранились каменный резервуаръ, куда стекала вода изъ этихъ отверстій, и прелестная стѣнная живопись, украшавшая заднюю стѣну. Эта живопись (фрески) представляетъ двѣнадцать главныхъ божествъ Олимпа съ ихъ атрибутами и поражаетъ свѣжестью красокъ и изяществомъ рисунка.

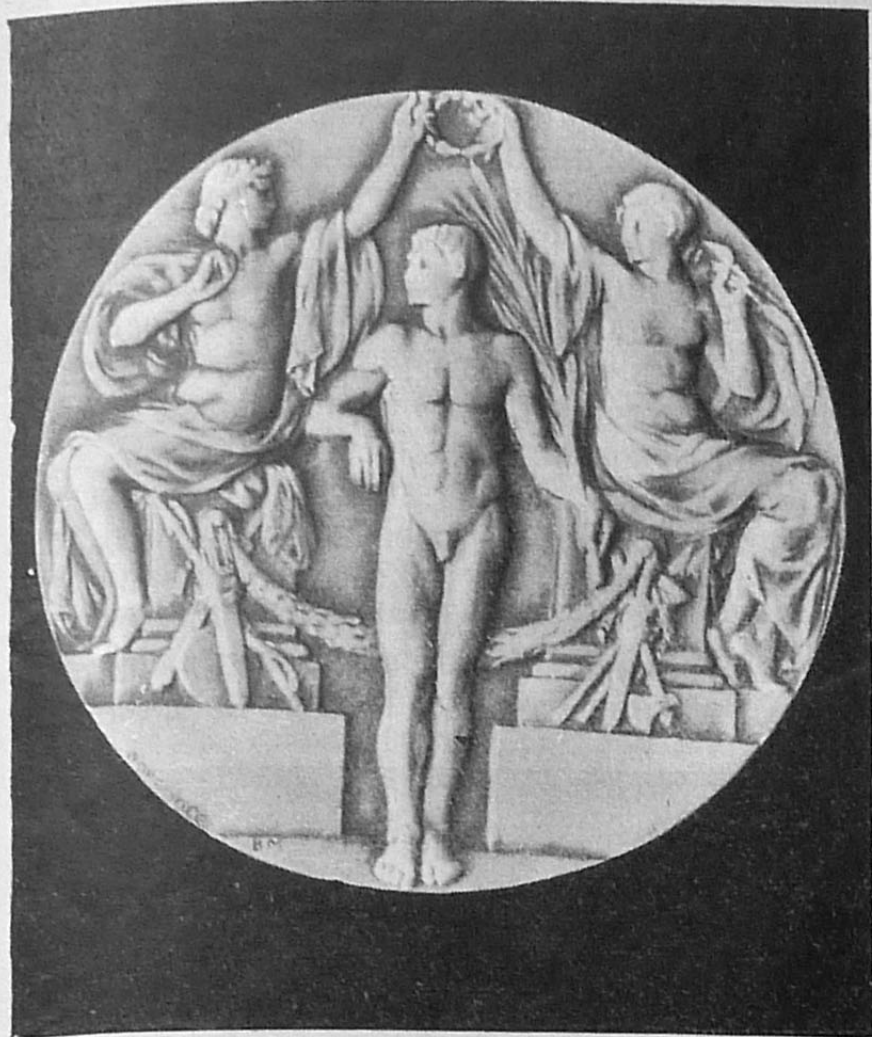
„Термополіумъ“—этотъ своеобразный „античный баръ“—отрытъ почти въ полной неприкосновенности. Очевидно, такимъ онъ былъ около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ день великой катастрофы... Онъ представляетъ собою довольно большой каменный прилавокъ, загибающійся подъ прямымъ угломъ и похожій на современную кухонную плиту. Въ немъ имѣются нѣсколько круглыхъ отверстій, надъ которыми жарились и варились кушанья. Одно изъ такихъ отверстій закрыто крышкой, которая прикрѣплена цѣпочкой къ плитѣ. Можно думать, что тутъ въ моментъ катастрофы варилась какая-то еда, только что заказанная мимо проходящимъ кліентомъ. Вокругъ плиты найдено довольно большое количество разныхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ сосудовъ—кувшиновъ, амфоръ, стакановъ. Найденъ также небольшой фонарикъ съ надписью сдѣлавшаго его фабриканта „Spondilius“. Но что всего любопытнѣе—откопана даже касса этого ресторанчика, небольшая шкатулка съ серебряными и золотыми монетами. Это была сумма, вырученная отъ продажи питій и кушаній въ день катастрофы...

Вмѣстѣ съ этими, наиболѣе крупными и обращающими на себя вниманіе, предметами удалось откопать множество мелкихъ вещицъ и предметовъ античнаго уличнаго и домашняго обихода. Всѣ они поражаютъ своимъ изяществомъ и тонкимъ благородствомъ формы. Вѣкъ прекраснаго въ искусствѣ и литературѣ отразился и на этихъ мелочахъ.

Кругомъ на стѣнахъ „улицы Изобилія“ можно прочесть различныя надписи. Почти всѣ онѣ прекрасно сохранились, равно какъ и вывѣски лавочекъ и магазиновъ... Надписи эти гласятъ о предвыборной горячкѣ: „Граждане, выбирайте того-то...“ „Граждане, вспомните въ день выборовъ о томъ-то...“ Какъ все это далеко, и какъ все это близко къ намъ и къ нашимъ современнымъ понятіямъ!..

Итакъ, шагъ за шагомъ, черта за чертой встаетъ предъ посетителемъ этой „новой Помпеи“ минувшая жизнь знаменитаго народа, положившаго начало всей нашей гуманитарной и государственной культурѣ... И въ мелочахъ его повседневной домашней и уличной жизни предъ нами вырисовывается цѣлостный и общій обликъ всей націи, умѣвшей красиво жить и мудро мыслить.

Медаль побѣдителю (лицевая сторона).

Знакъ участника Олимпійскихъ игръ.

Медаль побѣдителю (оборотная сторона).

Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ.

(Съ 5 рис. на стр. 381 и 382).

Текущимъ лѣтомъ въ столицѣ Швеціи готовится большое и весьма помпезное спортивное торжество — такъ называемыя „Олимпійскія игры“, устраиваемыя при участіи особаго народнаго комитета, возникшаго въ 1894 году и поставившаго своей задачей ввести въ современную европейскую жизнь благородныя празднества древнихъ грековъ...

Стремленіе къ развитію и упорядоченію физической стороны воспитанія пробудилось въ Западной Европѣ въ концѣ XIX вѣка. Какъ-то сразу тамъ возникъ лозунгъ: „Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“, и физическое воспитаніе стало превращаться въ настоящій культъ здороваго спортсменства. Толчокъ этому движенію дала, какъ и слѣдовало ожидать, Англія, гдѣ физическое воспитаніе всегда стояло на большой высотѣ. Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ, обязательныя для каждой школы, многочисленныя спортивные ассоціаціи, громадныя интересы, который проявляла всегда къ физическимъ упражненіямъ вся нація, принесли въ Англію такой замѣтный результатъ въ видѣ общаго оздоровленія народа, что вся Европа стала приглядываться къ английскому „здоровому духу въ здоровомъ тѣлѣ“ и взяла себѣ его въ примѣръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Западной Европѣ возникла мысль о реставраціи древне-греческихъ Олимпійскихъ игръ и о приданіи имъ международнаго характера. Инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ явился баронъ Пьеръ де-Губертанъ. По его приглашенію, лѣтомъ 1894 года въ Парижѣ собрались представители различныхъ европейскихъ государствъ и выработали планъ и уставъ упомянутыхъ игръ, постановивъ, что онѣ должны устраиваться черезъ каждые четыре года въ различныхъ государствахъ цивилизованнаго міра. Каждой эпохѣ такихъ игръ было присвоено древне-греческое названіе „Олимпіады“.

Для устройства первой Олимпіады была избрана

классическая страна такихъ состязаній—Греція. Это была своего рода честь, которую Губертанъ и его единомышленники рѣшили воздать родинѣ Олимпійскихъ игръ. Первые Олимпійскія игры состоялись въ Афинахъ въ 1896 году и имѣли крупный успѣхъ. Онѣ имѣли характеръ настоящаго празднества и привлекли множество участниковъ-конкурентовъ и еще большее количество публики изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Первый опытъ оказался жизнеспособнымъ и удачнымъ, и спустя четыре года, въ 1900 году состоялась вторая Олимпіада въ Парижѣ,—менѣе удачная вслѣдствіе разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, но все-таки поддержавшая славу барона Губертана. Въ 1904 году происходили Олимпійскія игры въ С.-Луи, на берегахъ Тихаго океана, на родинѣ столь же приверженныхъ къ спорту, какъ и англичане, американцевъ. Наконецъ въ 1908 году была организована четвертая Олимпіада въ Лондонѣ. А въ текущемъ году предстоитъ пятая Олимпіада въ столицѣ Швеціи, славящейся своими спортсменами наравнѣ съ Англіей.

Число участниковъ Олимпійскихъ игръ постепенно возрастало съ каждой Олимпіадой. Въ лондонскихъ играхъ принимало участіе 2.666 спортсменовъ со всего цивилизованнаго міра. На стокгольмскую Олимпіаду уже записалось свыше 3.000 участниковъ, и запись далеко еще не исчерпана. По всѣмъ признакамъ, шведы сумѣютъ организовать настоящее празднество въ честь „здороваго духа и тѣла“.

Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ будутъ происходить съ 29 іюня (по новому стилю) по 26 іюля, т.-е. почти цѣлый мѣсяць. Состязанія будутъ заключаться во всѣхъ родахъ и видахъ современной атлетики съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ видовъ и античной атлетики—метаніе диска, „марафонскій бѣгъ“, „пентатлонъ“ (пятиборье) и пр. Кромѣ того, въ „играхъ“ примутъ участіе музыкальныя и пѣвческія ассоціаціи, такъ что временами стокгольмскія олимпійскія празднества примутъ характеръ грандіознаго концерта на открытомъ воздухѣ.

Посѣтители этого своеобразнаго международнаго праздника силы и здоровья увидятъ образцовыя „партіи“ въ лаунъ-теннисъ, футболъ, сложныя гимнастическія упражненія, состязанія въ греблѣ, въ парусномъ спортѣ, въ ныряніи (прыжки въ воду съ высоты), въ фехтованіи, въ наѣздничествѣ и т. д. Участниками въ этихъ празднествахъ, кромѣ хозяевъ-шведовъ, записались нѣмцы, англичане, французы, бельгийцы, русскіе (224 русскихъ конкурента), финляндцы, швейцарцы, норвежцы, датчане, итальянцы и т. д. Имѣются даже представители Южной Африки, Австраліи, Японіи и Чили.

Для побѣдителей заготовлено множество разнообразныхъ призовъ, отличающихся рѣдкой художественностью и оригинальностью. Особенно выдѣляются среди нихъ призы Государя Императора (братина въ древне-варяжскомъ стилѣ), призы президента Франціи (красивая ваза), назначенный за лучшія упражненія въ фехтованіи, и призы основателя Олимпійскихъ игръ, барона Пьера де-Губертана,— за побѣду въ „пятиборьѣ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Олимпійскія игры. Пятая Олимпіада въ Стокгольмѣ. Переходящій призъ—братина Имени Его Величества Государя Императора Николая II.

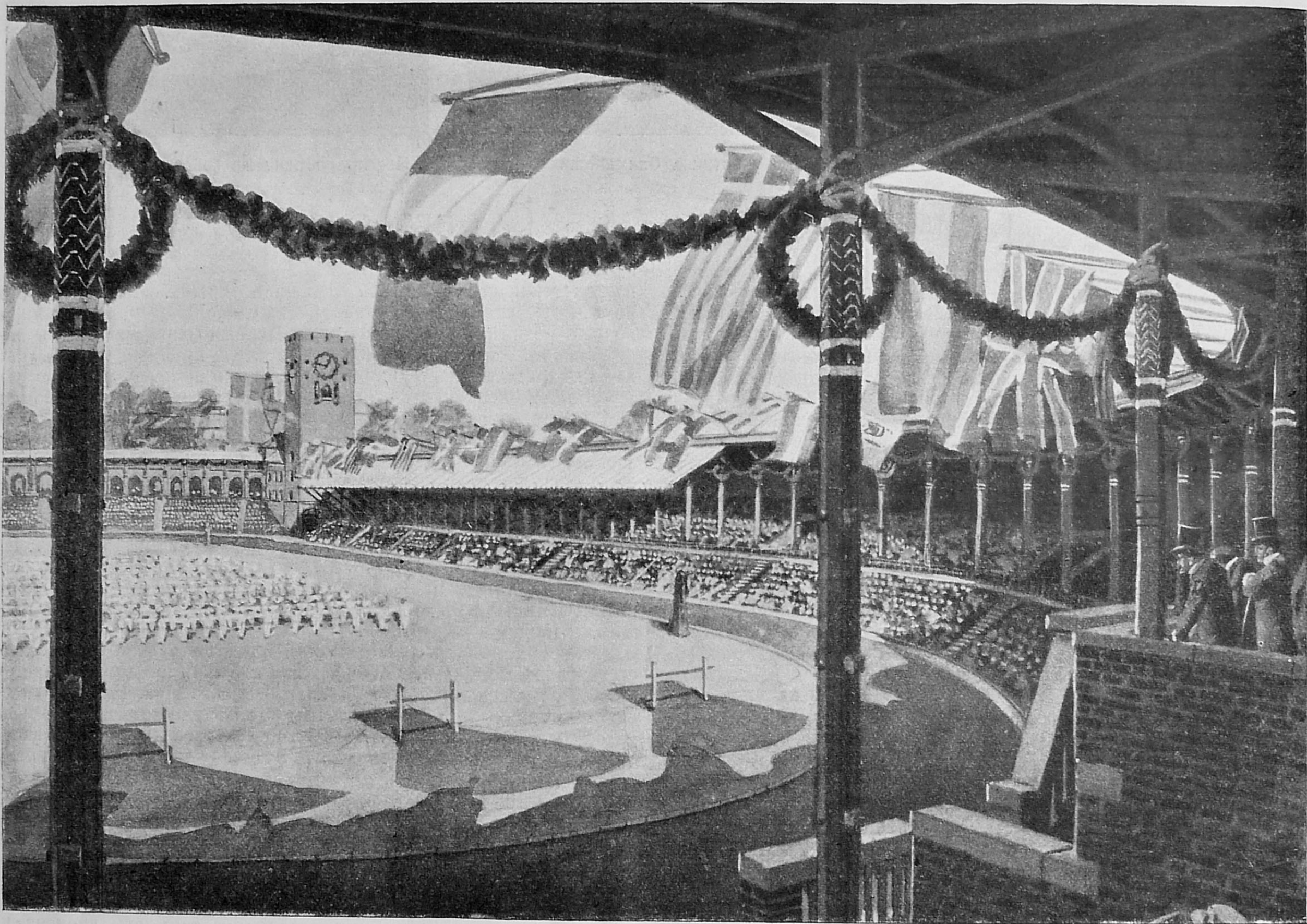
Расширение женскихъ правъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Тихо и незамѣтно, безъ громкихъ рѣчей и обычнаго шума партійной борьбы, прошелъ въ Гос. Думѣ выработанный Министерствомъ Юстиціи законопроектъ, предоставляющій замужнимъ женщинамъ право получать отдѣльный видъ на жительство и поступать на службу безъ согласія и разрѣшенія мужей. Старый законъ разсматривалъ женщину, какъ подопечное и правоспособное существо. Новый законъ предоставляетъ ей права самостоятельнаго гражданина. Сожитіе съ мужемъ перестало быть для нея обязательнымъ, утратило характеръ кабалы и подневольности. По нормамъ дѣйствующаго закона мужъ пересталъ быть ея полновластнымъ господиномъ, она перестала быть его рабой. Раньше, выходя замужъ, она какъ бы отдавалась на жизнь въ неволю, заранеѣ покорялась чужой волѣ; теперь она и въ замужествѣ остается свободной, живетъ съ мужемъ только

шинству страдающихъ женщинъ. Новый законъ поставилъ защиту женской личности на общихъ основаніяхъ, и то, что было доступно немногимъ, сдѣлалъ достояніемъ всѣхъ.

Люди, разсуждающіе по Домострою, могутъ опасаться, что юридическое раскрыпощеніе женщины очень неблагоприятно отразится на семейномъ бытѣ. Къ великому счастью человечества, опасенія консерваторовъ домостроевскаго начала не имѣютъ подъ собою твердой почвы. Несправедливо и оскорбительно для человечества думать, что семейный бытъ основанъ на кнутѣ и женскомъ рабствѣ. Нѣтъ, основу его составляетъ живая вѣра въ религиозные и моральные устои брака, больше того: верховная потребность возвышенной человѣческой природы, которая нашла свое выраженіе въ нашихъ религиозныхъ и моральныхъ ученіяхъ. Бракъ высокъ или низокъ, онъ крѣпнетъ или разлагается въ зависимости отъ уровня нашихъ нравовъ, отъ ихъ паденія и разложенія, а не отъ голыхъ требованій отвлеченнаго моральнаго закона, которыхъ никто не исполняетъ. Наши жены и матери нравственны не по внѣшнему

Олимпійскія игры. Пятая Олимпиада въ Стокгольмѣ. Общій видъ стадиона.

по доброй волѣ и собственному желанію и всегда можетъ уйти отъ него и жить отдѣльно, своимъ трудомъ, если совмѣстная жизнь съ нимъ сдѣлается слишкомъ тяжелой, невыносимой, унижительной. По своему моральному и гражданскому значенію законъ о раскрыпощеніи женщинъ заслуживаетъ быть поставленъ на ряду съ величайшими гуманитарными реформами, въ родѣ освобожденія крестьянъ. Онъ даетъ права свободы по крайней мѣрѣ 80-ти милліонамъ человѣческихъ существъ, которыя до сихъ поръ были лишены свободы. Не у всѣхъ семья складывается счастливо и благополучно, во множествѣ случаевъ люди сходятся неудачно, приносятъ другъ другу не счастье, а сплошную муку, и нерѣдко такіе несчастные браки кончаются трагически: преступленіями, убійствами, самоубійствами, истязаніями и моральною или физическою гибелью обѣихъ сторонъ. Въмѣсто любви и нѣжности царятъ ненависть и злоба, безпросвѣтная и безсрочная каторга мучительнаго гнета, дрящящая цѣлые годы и кончающаяся только вмѣстѣ съ жизнью. Для многаго множества несчастныхъ въ семейной жизни женщинъ единственною освободительницей являлась смерть. Въ отдѣльных, исключительныхъ случаяхъ женщины изъ вліятельной и богатой среды, попавшія въ брачную неволю, вырывались изъ нея путемъ обращенія къ Монаршей милости или заступничества шефа жандармовъ и III-го женской самозащиты требовалъ большихъ связей, настойчивости и оставался совершенно недоступнымъ огромному боль-

принужденію, а по своей природѣ и по своимъ инстинктамъ, и нравственный уровень ихъ, ихъ любовь къ мужьямъ и дѣтямъ нисколько не уменьшались отъ того, что новый законъ предоставилъ имъ право въ случаѣ непримиримыхъ разногласій въ семьѣ жить отдѣльно отъ мужей и зарабатывать хлѣбъ своими руками. Развратъ и безнравственность коренятся скорѣе въ рабствѣ, чѣмъ въ свободѣ. Неуваженіе къ личности женъ и матерей топчетъ и попираетъ то, что есть самаго святаго въ человѣкѣ, и переходитъ въ неуваженіе къ самимъ себѣ, въ циничное моральное самооплевываніе. Напротивъ того, возведенное въ законъ уваженіе къ человѣческой личности жены и матери должно весьма благотворно отразиться на семейномъ бытѣ и высоко поднять моральный уровень семьи. Сознаніе, что жена—не раба, а такой же полноправный человѣкъ, какъ онъ самъ, и можетъ всегда уйти отъ него,—окажетъ въ тысячѣ случаевъ сдерживающее вліяніе на мужа, заставитъ его строже взглянуть на свои обязанности по отношенію къ семьѣ и удержаться отъ тѣхъ слабостей, отъ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ удерживаться раньше. Новый законъ хорошъ уже тѣмъ, что очищаетъ нашъ семейный бытъ отъ послѣднихъ остатковъ женской подневольности и женскаго рабства, которое противорѣчитъ самому духу христіанства и представляетъ собою явный пережитокъ язычества въ христіанской семьѣ.

Автономія Ирландіи.

(Политическое обозрѣніе).

На добромъ имени Англии, какъ гуманной и культурной страны, было до сихъ поръ два черныхъ пятна: жестокое угнетеніе Ирландіи и Индіи. Свободная и свободолюбивая нація вездѣ въ мірѣ, начиная съ собственныхъ колоній, насаждала начала свободы, культуры, вездѣ вела борьбу съ рабствомъ и безправіемъ, великодушнымъ дарованіемъ свободы сумѣла привязать къ себѣ даже вчерашнихъ непримиримыхъ враговъ—буровъ и только въ Индіи и Ирландіи выступала въ роли безпощадно-жестокаго деспота. Тотъ высокій подъемъ морально-гражданскаго чувства, который теперь переживаетъ англійскій народъ, не позволилъ ему мириться съ такимъ положеніемъ. Демократическая перестройка государственнаго быта Великобританіи неизбежно должна была коснуться отношеній государства къ покореннымъ и поработаннымъ народамъ и снять съ нихъ оковы національнаго рабства. Таковъ нравственный смыслъ великой политической реформы, проводимой въ настоящее время либерально-демократическимъ правительствомъ во главѣ съ Асквитомъ и Ллойд-Джоржемъ. Установивъ демократическіе законы о принудительномъ отчужденіи земель отъ лэндъ-лордовъ и распродажѣ ихъ мелкимъ фермерамъ; ограничивъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ правѣ безпредѣльной эксплуатаціи землевладѣльческаго труда; отстоявъ права углекоповъ на минимальную заработную плату, гарантирующую рабочему удовлетвореніе элементарныхъ потребностей семьи; демократизировавъ самый законодательный аппаратъ — демократическій кабинетъ вернулъ къ завѣтамъ великаго государственнаго идеалиста Вильяма Гладстона и поставилъ передъ страной вопросъ объ ирландской автономіи, провести и осуществить которую не удалось популярнѣйшему государственному гуманисту прошлаго вѣка.

Болѣе практическіе государственные дѣятели современности нѣсколько сузили слишкомъ широкій проектъ ирландскаго гомруля, предложенный Гладстономъ, устранивъ изъ него все, могущее внушить избирателю страхъ и трепетъ передъ призракомъ ирландскаго сепаратизма. Даруемая ирландцамъ автономія обезпечиваетъ имъ полное самоуправленіе въ области мѣстныхъ, специально ирландскихъ, вопросовъ, отнюдь не разрываетъ ихъ государственнаго единства съ королевствомъ, подходит подѣ типъ областного земства и далеко не достигаетъ тѣхъ привилегій, которыми пользуется у насъ Финляндія. Сущность реформы исчерпывается слѣдующими основными девятью статьями билля:

1) Ирландскій парламентъ будетъ состоять: а) изъ совѣта въ 48 членовъ, изъ которыхъ 12 будутъ назначаться короной, а 36—избираться по системѣ пропорціональнаго представительства; совѣтъ будетъ возобновляться черезъ каждыя восемь лѣтъ; б) изъ собранія въ 103 члена, избираемыхъ на пять лѣтъ, по системѣ, примѣняемой для вестминстерскаго парламента; финансовыя законопроекты будутъ одобряться этимъ собраніемъ; если обѣ палаты придутъ въ столкновеніе и въ теченіе двухъ лѣтъ не смогутъ достигнуть согла-

Его Величество король датскій Фредерикъ VIII, скончавшійся 1 мая с. г. въ Гамбургѣ, гдѣ король находился проездомъ. Король скончался отъ разрыва сердца, во время прогулки по городу. Король Фредерикъ VIII родился 3 іюня 1843 г. и вступилъ на престолъ въ 1906 г. Почившій король — родной братъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

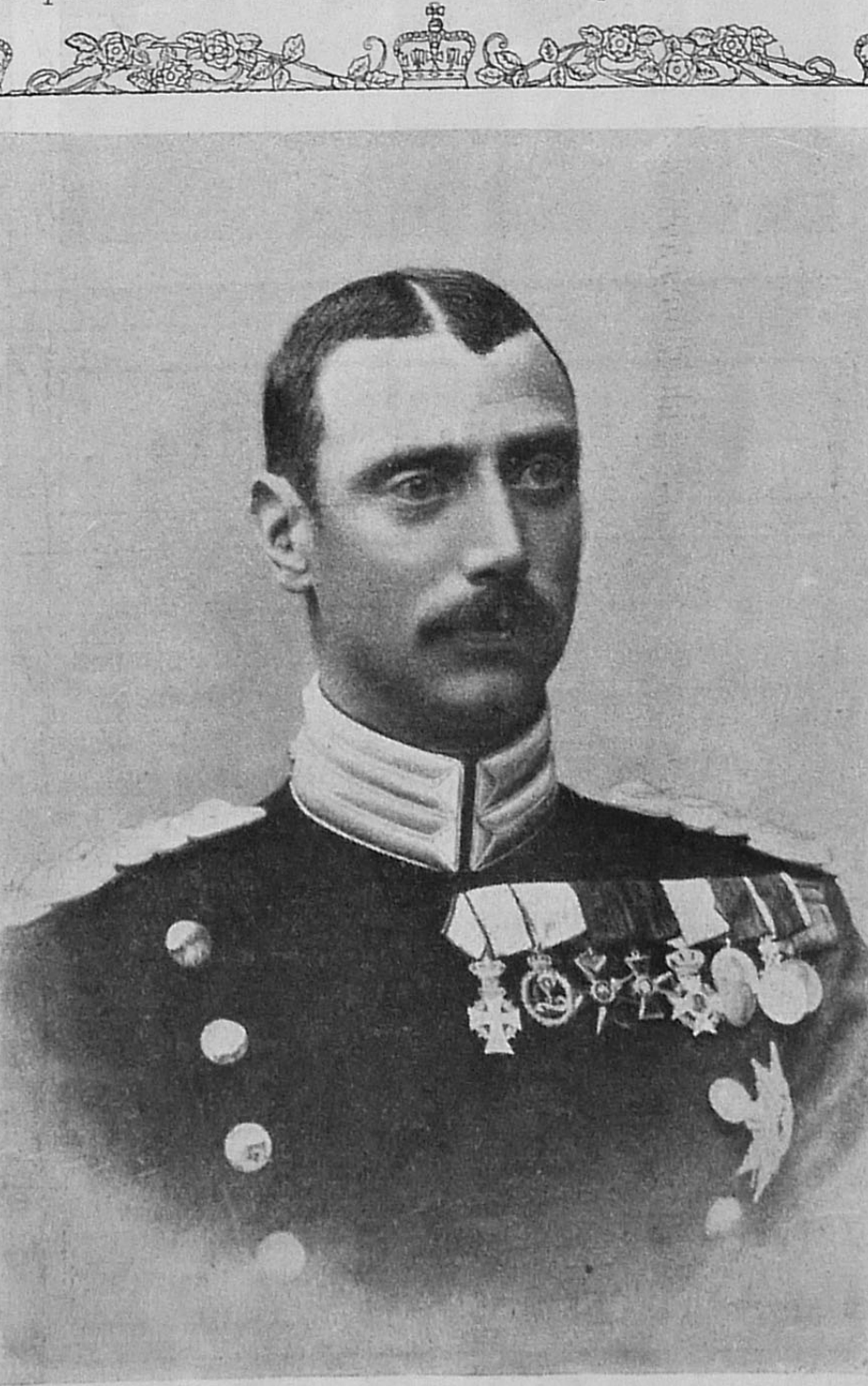
нать въ традиціонныхъ законахъ о собственности и въ законахъ объ отчужденіи имущества.

7) Представители Ирландіи въ Вестминстерѣ будутъ сокращены до 70.

8) Корона будетъ представлена въ Ирландіи лордомъ-намѣстникомъ, при которомъ будетъ состоять ирландскій кабинетъ министровъ, отвѣтственный передъ ирландскимъ парламентомъ.

9) Лордъ-намѣстникъ будетъ осуществлять свое право наложенія запрета соотвѣтственно получаемымъ имъ отъ имперскаго парламента указаніямъ.

Несмотря на рѣшительную оппозицію уніонистовъ, билль прошелъ въ первомъ чтеніи подавляющимъ большинствомъ въ 100 голосовъ. Гладстонъ, оставшійся при первоначальной попыткѣ ирландской реформы въ меньшинствѣ благодаря расколу между либералами, часть которыхъ подѣ предводительствомъ Чемберлена присоединилась къ консерваторамъ, послѣ роспуска парламента и новыхъ выборовъ могъ собрать за гомруль въ нижней палатѣ только незначительное большинство въ 36 голосовъ и не былъ въ силахъ одолѣть сопротивленіе палаты лордовъ, рѣшительно отвергшей билль. Теперь обстоятельства рѣзко измѣнились къ лучшему: не только большинство сторонниковъ возросло съ 36 до 100 голосовъ, но та твердыня оппозиціоннаго консерватизма, о которую разбилась первая попытка автономіи, оказалась разбитой и поколебленной торжествомъ демократическаго движенія: палата лордовъ уже лишена возможности тормозить законодательныя начинанія палаты общинъ, и законопроекты послѣдней, проведенные въ трехъ законодательныхъ сессіяхъ, получаютъ силу дѣйствующаго за-

Его Величество король датскій Христіанъ X, старшій сынъ почившаго короля Фредерика VIII, родился 24 сентября 1870 г. Священный узами родства съ нашимъ Царствующимъ Домомъ—племянникъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны—король Христіанъ X еще болѣе скрѣпилъ эти узы женитьбой (въ 1898 году) на принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской Александринѣ, дочери Вел. Княгини Анастасіи Михайловны, вдовствующей великой герцогини Мекленбургъ-Шверинской.

кона даже без согласія и утвержденья лордовъ. Такимъ образомъ, несмотря на оппозицію консервативныхъ элементовъ, которая получить энергичную поддержку въ верхней палатѣ, автономія Ирландіи будетъ дарована англійскимъ народомъ. Ирландскіе депутаты горяче привѣтствуютъ билль и демонстративно заявляютъ о своей преданности гуманной и свободолюбивой Англии. Управлять преданными подданными несравненно легче и пріятнѣе, чѣмъ вѣчно бороться съ непримиримо-враждебнымъ народомъ. Не только нравственный престижъ, но даже и самые практическіе, реальные интересы Англии требовали примиренія съ ирландскимъ народомъ и заставляли цѣлыя поколѣнія ея величайшихъ государственныхъ дѣятелей мечтать о томъ, какъ сдѣлать подавленную и растерзанную Ирландію счастливой и довольной. Теперь эта вѣковая свѣтлая мечта близка къ осуществленію.

Г. Г. Мясоѣдовъ.

Къ рисункамъ.

(Рис. и портр. на стр. 365, 368, 369, 372, 384).

Рисунки, помѣщенные въ настоящемъ № нашего журнала, знакомятъ читателей съ творчествомъ извѣстнаго художника Г. Г. Мясоѣдова, скончавшагося въ декабрѣ 1911 г.

Григорій Григорьевичъ Мясоѣдовъ былъ однимъ изъ столповъ того идейнаго направленія въ живописи, которому служили Крамской, Ге, Ярошенко, нынѣ здравствующій Рѣпинъ и другіе художники, входившіе въ семью Товарищества Передвижныхъ выставокъ. Покойный Мясоѣдовъ былъ именно учредителемъ этого товарищества, такъ пышно расцвѣтшаго потомъ во славу русскаго искусства. Мясоѣдовъ вмѣстѣ съ И. Н. Крамскимъ и Н. Н. Ге былъ идейнымъ вдохновителемъ и фактическимъ организаторомъ „Передвижныхъ выставокъ“. Съ его легкой руки онѣ получили свое начало и быстро развились и окрѣпли.

Г. Г. Мясоѣдовъ всю свою жизнь оставался вѣренъ и „Передвижнымъ выставкамъ“ и ихъ завѣтамъ. Врагъ „искусства для искусства“, онъ стремился подчинить искусство извѣстной идеѣ, извѣстному поученію. Такое направленіе въ искусствѣ можетъ легко породить непріятную и сухую тенденціозность; и „передвижники“ въ свое время терпѣли много нападокъ именно за эту тенденціозность. Но крупные художники добраго стараго времени, создавшіе Товарищество Передвижныхъ выставокъ, умѣли не быть тенденціозными, и въ то же время ихъ творчество всегда было и содержательно и всегда оставляло въ душѣ у зрителя глубокой слѣдъ. Уходя съ выставки, зритель чувствовалъ, что онъ побывалъ здѣсь не даромъ, но кой-чему научился, кой-что пережилъ и перечувствовалъ. Такимъ художникомъ-учителемъ былъ и Г. Г. Мясоѣдовъ. Его творчество западало въ душу и много говорило ей. И это не былъ мертвый разговоръ прописныхъ истинъ, но проповѣдь горячаго и живого сердца.

Г. Г. Мясоѣдовъ родился въ 1835 году въ родовомъ помѣстьѣ Тульской губерніи. Онъ началъ проходить гимназическій курсъ въ Орловской гимназіи, но не кончилъ курса, занявшись вмѣсто того живописью и переселившись для этого въ Петербургъ. Занятія искусствомъ пошли у него съ самаго же начала блестяще. Въ 1859 году онъ успешно выдержалъ вступительный экзаменъ въ Академію Художествъ и уже черезъ годъ, т.-е. въ 1860 г., онъ получилъ большую серебряную медаль за картину „Деревенскій знахарь“. Съ этого года началась крупная извѣстность

Г. Г. Мясоѣдова. Въ 1861 году на академической выставкѣ появилась его вторая картина „Поздравленіе молодыхъ въ домѣ помѣщика“, удостоенная малой золотой медали, а въ 1862 году Мясоѣдовъ приобрѣлъ еще большую извѣстность своей новой картиной „Бѣгство Гришки Отрепьева изъ корчмы на литовской границѣ“. За эту небольшую, но чрезвычайно сильно и выразительно написанную картину, приобретенную потомъ въ Музей Академіи Художествъ, Мясоѣдовъ получилъ большую золотую медаль и былъ отправленъ за границу на казенный счетъ.

За границей Мясоѣдовъ пробылъ шесть лѣтъ и по возвращеніи въ Россію сталъ дѣятельно хлопотать съ организаціей Товарищества Передвижныхъ выставокъ. Въ 1871 году его хлопоты увѣнчались успѣхомъ: въ этомъ году была открыта въ Петербургѣ первая передвижная выставка.

Г. Г. Мясоѣдовъ писалъ много и не замыкался въ какой-либо

строго отграниченный родъ живописи. Онъ не чуждался и пейзажа и отдалъ дань и историческому жанру. Но наиболѣе характернымъ для его творчества все-таки является крестьянскій жанръ—изображеніе крестьянскаго быта и обихода, при чемъ въ картинахъ этого рода Мясоѣдовъ много вниманія удѣлялъ и той природѣ, среди которой живетъ и работаетъ русскій крестьянинъ. Воспроизводимая въ настоящемъ № „Нивы“ его картины „Косари“, „Сумерки“ и „Засуха“ наглядно и убѣдительно говорятъ о стремленіи покойнаго художника объединить въ одномъ гармоническомъ цѣломъ жанровыя сцены съ тихимъ и умиротворяющимъ пейзажемъ родной страны. Отъ этихъ картинъ, въ которыхъ трепещетъ и бьется подлинная жизнь русскаго крестьянства, вѣетъ и подлинной русской природой—необозримыми полями съ волнующейся рожью, тихими перелѣсками и пышными заливными лугами, надъ которыми то сіяетъ ослѣпительное лѣтнее солнце, то опускаются задумчивыя сумерки.

Наибольшую извѣстность Мясоѣдову создали картины: „Самосожигатели“ и „Чтеніе Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Въ первой изъ этихъ картинъ онъ рисуетъ группу раскольниковъ, рѣшившихся заживо сжечь себя ради достиженія вѣчнаго спасенія. Сюжетомъ для этой

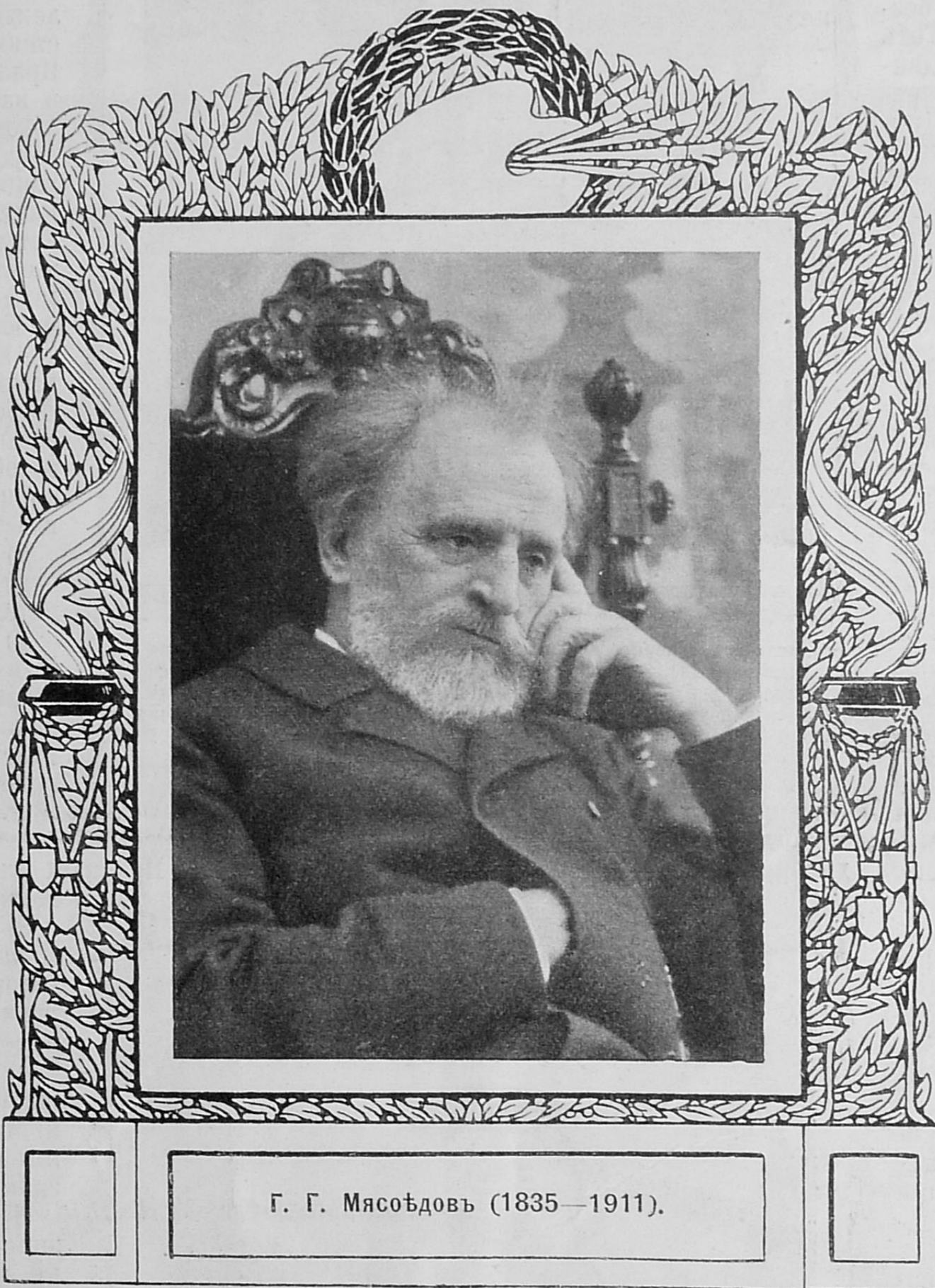
замѣчательной картины послужилъ цѣлый рядъ официально зарегистрированныхъ случаевъ такого безумнаго фанатизма среди русскихъ сектантовъ.

Въ „Чтеніи Положенія“ мы, наоборотъ, встрѣчаемся съ идиллически-свѣтлой и мирной сценой, какія происходили повсемѣстно въ Россіи въ знаменательный 1861 годъ.

Нужно ли добавлять, что художникъ-шестидесятникъ Г. Г. Мясоѣдовъ могъ лично наблюдать такія сцены. Онѣ происходили въ его дни, въ его время и притомъ въ пору расцвѣта его таланта.

Изъ многочисленныхъ картинъ Мясоѣдова, кромѣ перечисленныхъ, упомянемъ также его историческую картину „Франческа да-Римини и Паоло да-Паоленто“, прекрасный пейзажъ „Видъ съ Байдарскихъ высотъ“ и извѣстную жанровую картину „Завтракъ во время земскаго собранія“.

Г. Г. Мясоѣдовъ прожилъ долгую и полную жизнь, оставивъ по себѣ прекрасную память, какъ человекъ и какъ общественный дѣятель въ средѣ художниковъ. Въ исторіи нашего искусства ему обезпечено славное и видное мѣсто.

Г. Г. Мясоѣдовъ (1835—1911).

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового.—„Мадонна бѣдныхъ“. Очеркъ Ады Негри. Переводъ съ итальянскаго В. Владнева.—„Мои ворюшки“. Изъ жизни подонковъ Милана. Разказъ А. Раввицы. Переводъ съ итальянскаго (Политическое обозрѣніе).—Г. Г. Мясоѣдовъ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Косари.—Засуха.—Самосожигатели.—Сумерки.—Ада Негри.—Александра Равица.—Новыя раскопки въ Помпѣ (9 рисунковъ)—Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ (5 рисунковъ).—Его Величество король датскій Фредерикъ VIII.—Его Величество король датскій Христіанъ X.—Г. Г. Мясоѣдовъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 7.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

